

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ

Алексей МАКЕЕВ

**УБИЙСТВО
НА БИС**

Полковник Гуров

Николай Леонов

Убийство на бис (сборник)

«ЭКСМО»

2014

Леонов Н. И.

Убийство на бис (сборник) / Н. И. Леонов — «Эксмо»,
2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-71055-3

Следователь Лев Гуров получает приглашение на свадьбу своего старого знакомого, олигарха Золотилова. Поначалу Гуров отказывается от посещения мероприятия, однако спустя несколько дней меняет свое решение. Дело в том, что в своем почтовом ящике следователь обнаруживает анонимную записку, в которой сообщается, что на свадьбе Золотилова будет совершено убийство. Для очистки совести Гуров отправляется на торжество в загородную усадьбу. И, оказывается, не зря. В разгар свадебного бала в саду находят отца невесты с заточкой в сердце. Чужому на территорию усадьбы не попасть, потому нет никаких сомнений, что убийство совершено одним из гостей. Но кем именно? Продюсер Анна Кристаллер организовала в своем особняке грандиозную богемную вечеринку. Актеры, балерины, журналисты – кого здесь только нет! Вокруг царит атмосфера бесшабашного праздника: смех, танцы. Шампанское льется рекой, а столы ломятся от закусок. Но вдруг один из приглашенных замечает, что хозяйки дома давно нигде не видно. Гости отправляются на поиски Анны и, к своему ужасу, обнаруживают ее мертвой в одной из гостевых комнат... Дело об убийстве продюсера поручают лучшим столичным сыщикам Гурову и Крячко. Они начинают расследование и вскоре с удивлением выясняют, что у госпожи Кристаллер был не один десяток смертельных врагов...

ISBN 978-5-699-71055-3

© Леонов Н. И., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Убийство на бис	6
Глава 1	6
Глава 2	21
Глава 3	39
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Николай Леонов, Алексей Макеев

Убийство на бис (сборник)

Убийство на бис

Глава 1

– Честно говоря, я все-таки не понимаю, для чего нам туда идти, – произнес Лев Гуров, стоя перед зеркалом и довершая последний штрих своего образа.

Он посмотрел на готовый узел галстука и небрежно затянул его. Галстук был новым, модным и смотрелся даже несколько вызывающе. Примерно десять минут назад Мария вручила ему этот шедевр и напомнила, что через полчаса им нужно выходить. Гуров собирался, но до последнего момента думал, что удастся отменить этот поход, хотя он и был запланирован еще на прошлой неделе.

– Гуров, ну это же решенный вопрос! – с досадой отозвалась Мария из спальни.

Она занималась тем, что собирала волосы в высокую прическу и скалывала их на затылке шпильками. Замечание мужа заставило ее прервать процесс и появиться в соседней комнате.

– Ты же знаешь, мне и самой не слишком хочется туда идти! – добавила она.

– Вот пример чисто женской логики! – усмехнулся Гуров. – Ты только вдумайся в логическую цепочку, выстроенную тобой. «Это вопрос решенный. Ты же знаешь, мне и самой не хочется!» Ну и где тут второе вытекает из первого или наоборот?

Мария сверкнула глазами и пристально посмотрела на мужа. Тот был невозмутим.

– Между прочим, то, что тебе не хочется туда идти, я давно понял, – продолжал он.

– Да? И из чего же сие следует? – насмешливо спросила Мария. – Из сугубо мужской логики?

– Из элементарной, – пояснил Гуров. – Достаточно взглянуть хотя бы на этот галстук. Он был приобретен в фирменном магазине, задорого, но явно спешно. В итоге в мой гардероб этот аксессуар не особенно вписывается. Слишком демонстративен. Конечно, ширпотребом его не назовешь, но это благодаря твоему врожденному вкусу. Важно и то, как ты мне его вручила: немного небрежно, с таким чувством, словно избавилась от досадной необходимости. То есть ты соблюла все, что требовалось, выбрала вещь, которая будет соответствовать этикету, но не более того. Ты его купила без души. К примеру, на мой день рождения ты не приобрела бы подобный подарок.

– Потрясающе! – усмехнулась Мария. – Вот что значит быть женой сыщика! Шерлок Холмс скромно отдыхает в сторонке, глядя на твои дедуктивные способности, и нервно курит свою трубку!

– Не язви. – Гуров улыбнулся и подмигнул жене. – В конце концов, я слишком хорошо тебя знаю. Хочу спросить без обиняков – зачем тебе это? Ты что, в самом деле собираешься принять участие в этом мюзикле?

Мария закусила губу и задумалась.

– Не знаю, – призналась она. – Возможно, да. Хотя я раньше никогда не играла в мюзиклах и вообще считала подобные проекты низкопробными для настоящей театральной актрисы.

– Так что тобой движет теперь? Неужели личные симпатии к этой Кристаллер?

– Деньги, – со вздохом сообщила Мария. – Да-да, сыщик, не удивляйся. Твоя жена, оказывается, самая обычная вульгарная материалистка. Когда я впервые услышала об этом мюзикле,

у меня и в мыслях не было соглашаться. Но стоило мне услышать сумму обещанного гонорара!.. Все, я потеряла уверенность и покой!

– Такой большой гонорар? – Гуров с интересом посмотрел на жену.

– Весьма, – кивнула та. – Под этот проект немцы выделяют просто огромные по нашим меркам средства. Во всяком случае, если сравнивать с тем, на что нам приходится ставить наши спектакли, то становится просто непонятно, как мы до сих пор вообще существуем!

– Ты станешь заниматься откровенной халтурой? Тем, что тебе претит? – удивился Гуров. – Неужели я действительно так плохо тебя знаю? Ты же неоднократно отказывалась сниматься в рекламе, хотя за это тебе тоже предлагали неплохие деньги.

– Не надо сгущать краски. – Мария махнула рукой. – Во-первых, этот проект – не такое уж дерьмо. По крайней мере, халтурой его точно не назовешь. За такие деньги вполне можно состряпать что-нибудь приличное. То, что мне предлагали за съемки в рекламе, по сравнению с обещанным гонораром кажется просто нищенским подаянием.

– А во-вторых? – спросил Гуров, внимательно наблюдая за женой.

– Во-вторых, я думаю, что мне все же необходимо расти в профессиональном плане, расширять горизонт, выходить за привычные, хорошо отработанные рамки. Мне уже не двадцать лет, и я не начинающая актриса. – Мария вздохнула. – О своей работе в театре я знаю все. Я умею это делать. Но порой надо вовремя рискнуть и перешагнуть через привычные стандарты.

– Ты опасаясь, что стареешь и не будешь получать ведущих ролей? – Взгляд Гурова стал еще более пристальным.

Мария снова вздохнула.

– Боюсь, – тихо произнесла она. – Нужно уметь посмотреть правде в глаза. Я действительно старею – не спорь, пожалуйста, и не перебивай. Нужно реально оценивать объективные обстоятельства. Мы все стареем, время не стоит на месте. Мои роли, казалось бы, вполне законные, будут плавно перетекать к другим актрисам, которые значительно моложе меня. Рано или поздно наступит момент, когда я, к прискорбию своему, обнаружу, что мое место занято. Может быть, это случится не завтра и даже не через пять или десять лет, но непременно произойдет. Я пойму, что все, что у меня осталось, это эпизодические безликие роли. Безымянные, знаешь, из тех, что значатся в театральных программках как «женщина на скамейке» или «мужчина с тортом». Так вот, мне совсем не хотелось бы играть их. Точнее, довольствоваться ими в случае, если получится дожить до такого.

– Пытаешься застолбить место на будущее? Занять новую нишу? Что ж, я тебя вполне понимаю. Более того, твои мысли разумны и рациональны. Но ведь и в мюзиклах нужны молодые актеры?

– А кто тебе сказал, что я собираюсь перекочевать с театральной сцены в мюзиклы? Я просто хочу расширить круг своих амплуа. Может быть, я вообще сменю актерскую профессию на что-то другое, не менее творческое. Вдруг я на старости лет переквалифицируюсь в художника-оформителя? – Мария рассмеялась, но смех ее прозвучал несколько нервно.

– Лучше уж в маляры. Будет кому ремонтом в кухне заняться, к которому мы третий год приступить не можем. – Гуров улыбнулся. – Ладно, будем считать, что ты меня убедила. Ради твоего будущего я вытерплю этот прием, от одного упоминания о котором у меня начинает сводить челюсти от скуки!

– Ничего, у меня есть знакомый хирург. Он тебе быстро вправит челюсть, если ты ее вывихнешь от чрезмерной зевоты. – Мария засмеялась и пошла обратно в спальню заканчивать свои приготовления к выходу в свет.

Подобные выходы они устраивали нечасто, поскольку оба, и Мария и Лев, терпеть не могли мероприятий такого рода. Но сегодня выдался особый случай. Супруги были приглашены в гости к некоей Анне Кристаллер, гражданке Германии, но русской по национальности, приехавшей в нашу страну с творческими и деловыми планами.

Анна Кристаллер занималась претворением в жизнь различных музыкальных проектов. На ее счету было несколько постановок, имевших неплохой успех, во всяком случае среди людей, имеющих отношение к музыкальному и театральному творчеству.

Лев Гуров относился к таковым персонам лишь опосредованно, то есть через свою жену-актрису. Все эти сведения он получил тоже от нее. Мария, правда, раньше не пересекалась с Анной Кристаллер и, в общем-то, была далека от ее творчества. Это обстоятельство еще больше удивляло Льва и заставляло его задуматься о том, почему Мария вдруг решила принять предложение иностранки.

Мероприятие должно было состояться в особняке, принадлежащем Анне и стоявшем в поселке, раскинувшемся недалеко от Новорижского шоссе. Начало было намечено на семь часов вечера, и Гурову ради этого пришлось сегодня уйти с работы раньше. По счастью, никаких особо важных дел у полковника сейчас не было. Поэтому его преждевременный уход был воспринят достаточно спокойно как начальством в лице генерал-лейтенанта Петра Николаевича Орлова, так и ближайшим другом и коллегой, таким же опером-важняком Станиславом Крячко.

Правда, тот не удержался и выдал каламбур в своей излюбленной манере:

– Наш светский Лев отбывает на светскую тусовку.

– А тебе завидно! – накидывая пальто, бросил Гуров.

– Мне? Ничуть! – тут же парировал Станислав, замотав круглой головой. – Ты знаешь, Лева, как я отношусь к подобным мероприятиям. Соберется вся эта так называемая столичная элита, богемное общество, которое на поверку на девяносто процентов состоит из ничего не значащих бездельников-снобов, с умным видом рассуждающих о вещах, в которых они ничего не смыслят! Кучка обыкновенных бездельников, живущих на деньги своих папаш, любовников или просто спонсоров!

– Статью за тунеядство у нас давно отменили, – заметил Гуров.

– И зря, – безапелляционно заявил Крячко. – Эти субчики делать ничего не умеют и не хотят, а из себя корчат неизвестно кого!

– Вот я и говорю, завидно тебе, Стас! – нарочно поддел его Гуров, пряча улыбку.

Станислав не поддался на провокацию и отказался комментировать замечание Гурова. Он лишь демонстративно поджал губы, выражая полное презрение как к кучке столичных бездельников, так и к высказываниям своего друга.

Лишь когда Лев уже взялся за ручку входной двери, Крячко бросил ему в спину:

– Смотри не зазнайся!

Гуров даже не повернулся, не стал отвечать на его шпильку и спокойно отправился домой, чтобы успеть переодеться. Только потом, уже сидя за столом перед началом банкета и незаметно наблюдая за собравшимися, он ощутил, что его друг Станислав Крячко в чем-то был прав.

Публика в доме Анны Кристаллер собралась довольно разномастная и разновозрастная. Мелькали как лица медийные, хорошо знакомые благодаря СМИ, так и совершенно неизвестные. Кое-кого из присутствующих Гурову доводилось видеть лично, однако практически ни с кем из них он знаком не был. Исключение составлял разве что Михаил Обручев, довольно молодой актер, служивший в том же театре, что и Мария. Он был задействован вместе с нею в нескольких спектаклях и пару раз даже бывал у Марии и Льва дома, однако другом семьи не считался в силу разницы в возрасте и интересах.

Однако, увидев Марию с мужем на этом приеме, Михаил сразу же подсел к ним и завел непринужденную беседу с Марией. Суть данного разговора, как определил Гуров, сводилась к тому, чтобы выведать ее мнение насчет предстоящего участия в мюзикле и, в частности, гонорара за этот проект. Гурову данная тема была не слишком интересна, и он продолжал

следить блуждающим взглядом за другими участниками мероприятия. Собственно, банкет как таковой еще не начался. Все сидели в ожидании остальных гостей.

Саму хозяйку, Анну Кристаллер, Гуров с Марией видели лишь мельком, в самом начале, проходя в широкие чугунные ворота, украшенные причудливыми коваными розами. Она презентовала им дежурную любезную улыбку, склонила голову в знак приветствия, произнесла какой-то комплимент в адрес Марии. После чего Анна плавно, широко повела рукой, предложила гостям пройти в дом и тотчас потеряла к ним всякий интерес, переключившись на вновь прибывших персон.

На входе Гуров и Мария предъявили свои пригласительные. В сущности, это была чистая формальность. Ведь гости так или иначе были знакомы между собой. Ни одной совершенно посторонней личности, не известной никому из присутствующих, здесь не должно было быть по определению.

В просторном зале Гуров и Мария уселись за столом. Номера их мест были отмечены в пригласительных билетах. Они, как и все, стали дожидаться появления хозяйки банкета. Анна Кристаллер занималась встречей гостей, которые все прибывали. Одни с опозданием на пять минут, а другие и на все двадцать.

Гуров знал, что ничего вопиющего в этом нет. На подобные мероприятия не принято приходить минута в минуту, пунктуальность здесь не в ходу. Тем не менее его раздражало, что они уже добрых полчаса сидели просто так, не знали, чем заняться, и развлекались так называемой светской беседой, которую полковник считал откровенно пустой тратой времени.

– Если меньше сотки, то я даже не подумаю напрягаться, – донесся до него голос Михаила Обручева.

Гуров обратил внимание на его лицо с высокомерно оттопыренной нижней губой и подумал, что Михаил с радостью принял бы участие в проекте и за сумму, вполовину меньшую озвученной. Он не понаслышке знал, насколько невысока зарплата в обычных театрах. Особенно когда речь идет о молодых, никому не известных актерах, не являющихся протеже кого-то из власть имущих.

– А ты и за двадцатку не напрягаешься, – насмешливо осадил его пыл Мария, крутя в длинных пальцах салфетку. – В последнем показе вообще играл так, что мне приходилось тебя чуть ли не волоком по сцене таскать за собой!

– Я просто плохо себя чувствовал, – оправдываясь, произнес Михаил, захотел сменить тему и воскликнул с наигранным удивлением: – О, гляди! Сами Сенин и Полонский пожаловали!

– Всем привет, всем привет, всем привет! – послышался громкий тенор, и в зал прошел Андрей Сенин.

Его энергичная и несколько вихляющая походка была хорошо знакома телезрителям. Он вел популярное шоу на одном из московских телеканалов. Этот субъект просто лучился радостью и энергией, громко приветствовал присутствующих и тут же привлек к себе все внимание публики.

– Где мне можно примоститься? Ах вот, у меня же стоит номер! – Он картинно хлопнул себя по лбу, прошел к указанному месту и небрежно опустился на стул.

Потом Сенин вытянул вперед свои кривоватые ноги, главным достоянием которых были модные ботинки. По всей видимости, они стоили очень дорого и были выставлены на всеобщее обозрение именно с целью демонстрации.

Андрею Сенину было уже хорошо за тридцать. На экране он смотрелся молодцеватым бодрячком, однако сейчас этот индивидуум сидел всего лишь в нескольких метрах от Гурова, при ярком освещении и без грима. Полковник смог разглядеть, что вокруг глаз Сенина морщинами расплзлись глубокие морщины. Уголки его губ уже смотрели вниз. Волосы он явно покрасил в темный цвет и начесал на затылке, поскольку уже сильно поредели.

Гуров сразу же определил Сенина как истерика. Тот изо всех сил старался обратить на себя внимание, манерничал, одежду выбрал самую яркую и кричащую. Все внутри него словно вопило: «Смотрите, смотрите на меня! Правда же, я достоин самого лучшего?»

За ним неторопливо подтянулся другой мужчина, пониже ростом, постарше и весьма упитанный. Он держался гораздо солиднее, сдержанно, с достоинством кивнул присутствующим и молча устроился рядом с Сениным. Это был его соведущий Федор Полонский. Вдвоем они составляли творческий тандем, довольно удачно дополняя друг друга.

Гуров не так уж и часто смотрел шоу с участием этих персон. Он вообще не был поклонником данного телевизионного жанра, однако признавал, что ведущие не лишены таланта. Причем в наибольшей степени, по его мнению, им был наделен именно немногословный и незаметный Полонский.

В отличие от своего велеречивого и юркого коллеги, он говорил редко, но, что называется, метко. По залу Полонский двигался мало, обычно сидел, вальяжно развалившись в кресле, и снисходительно поглядывал на зрителей из-под очков.

Обладая хорошим чувством юмора, Федор Полонский вставлял короткие, но емкие реплики всегда к месту и точно в тему. Он заставлял зрителей не просто тупо хохотать, а улыбаться. Его фишкой была тонкая ирония, объектом которой чаще всего становился именно Андрей Сенин.

Гуров подозревал, что и имидж ведущих, и диалоги были срежиссированы заранее. Однако природного таланта, умения подмечать тонкости характера партнера и подшучивать над ними у Полонского было не отнять.

Поговаривали, что в обыденной жизни Сенина и Полонского связывали очень близкие отношения. Эта сплетня отчасти подтверждалась тем, что оба были холостяками, однако подобные подробности Гурова интересовали меньше всего. Он вообще досадовал, что эта парочка разместились неподалеку от них, поскольку Сенин по обыкновению тут же принялся трещать без умолку. С первых же минут Андрей изрядно утомил полковника.

Под стать Андрею Сенину была и еще одна женщина, уже не слишком юная, лет за тридцать. Ее волосы были выкрашены в жгуче-черный цвет и крутыми спиральками спускались на плечи. В облике этой дамы было что-то восточное. Худошавая, вертлявая, в каком-то умопомрачительном балахоне, усыпанном блестящими звездами, из-под которого выглядывали худые ноги, обтянутые черными лосинами.

Она тоже разговаривала без перерыва, громко и бесцеремонно, все время спрашивала что-то у кого-либо из гостей, иногда кричала через весь стол. Ей как будто не сиделось на месте, она постоянно вертелась, поправляла свои пышные волосы, покрытые лаком, и умудрялась вести диалог, кажется, со всеми присутствующими.

Это была достаточно известная журналистка Жанна Саакян. Она делала свою карьеру стремительно, агрессивно, при добывании материала не гнушалась никакими средствами. Жанна работала в газете, специализирующейся на подробностях частной жизни знаменитостей. Она пребывала в своей стихии, поскольку была неукротимой сплетницей.

Мария успела шепнуть мужу, что Жанна легко могла бы профессионально заниматься пиаром, как черным, так и белым. В искусстве создания общественного мнения госпожа Саакян вполне могла опередить любое информационное агентство.

Она специализировалась на скандальных новостях и сама была участницей нескольких крутых конфликтов с эстрадными звездами. Потом эти события долго и подробно смаковались в прессе. Гуров полагал, что Жанне такие скандалы были только на руку, способствовали росту ее популярности. Она не только не страдала от них, но даже раздувала намеренно.

Поговаривали, что Жанна является любовницей одного крупного политика. Года четыре назад она приехала в Москву из какого-то захолустного армянского городка, но в столичную реку влилась так, словно та была знакома ей с прошлой жизни. Во всяком случае, на банкете,

устроенном Анной Кристаллер, Жанна чувствовала себя как рыба в воде. Политика, роман с которым ей приписывали, на приеме не было. Жанна вообще пришла сюда без пары, что совершенно не мешало ей наслаждаться вечером.

Гуров взглянул на часы. Банкет должен был начаться тридцать минут назад, но Анна все еще отсутствовала. Однако, к его удивлению, все остальные, кажется, ничуть не скучали и на часы не смотрели. За столом велась оживленная беседа, на взгляд полковника, совершенно ни о чем.

Некоторые из присутствующих дам, главным образом молодых, вели себя при этом точно в соответствии с характеристикой Станислава Крячко. Губы их были манерно оттопырены, глаза высокомерно полуприкрыты. Они лениво, словно бы с неохотой, произносили чьи-то чужие фразы, старательно следя за тем, чтобы точно их воспроизвести.

«Видимо, действительно чьи-то любовницы или девочки с подтанцовок», – подумал Гуров.

Он уже отметил, что в доме Анны Кристаллер собрались далеко не только актеры, которые будут заняты в мюзикле. Здесь были журналисты, спортсмены, популярные танцовщицы и балерины, даже кое-кто из политиков. Так что назвать банкет пробным знакомством перед предстоящей работой можно было лишь с заметной натяжкой.

Многие гости пришли сюда чисто с развлекательной целью. Хотя, конечно, некоторые имели и деловой интерес.

Гуров отлично понимал, что в работе над мюзиклом задействовано множество людей самого разного рода занятий. Отнюдь не все они имеют прямое отношение к искусству. Репортеры, например, готовят материал из первых рук. Танцовщицы с балеринами не упускают возможность сделать себе рекламу, появившись на светском мероприятии. Политики тоже подогревают интерес к своей персоне и завоевывают симпатии электората. Словом, каждый пиарится по-своему, ловя момент.

Вот, правда, непонятно, что тут делала женщина очень средних лет, на фоне светской публики выглядевшая весьма средне. Прическа ее была скромной, гладкие волосы просто заложены за уши. Макияжа минимум, и нанесен он точно не профессионалом.

По внешнему виду ее можно было бы принять за прислугу, однако она была не в униформе, соответствующей этому занятию, а в обычной одежде. Кстати, она смотрелась на ней довольно нелепо, несмотря на то что была явно дорогой. Жакет был узковат, отчего на спине бугрились складки. Юбка оказалась слишком длинной. Женщина выглядела так, словно надела на себя вещи с чужого плеча.

Мария все это время беседовала с известной оперной дивой. К примадонне в этот момент подошел лысоватый мужчина с брюшком, чинно приложился к ее пухлой руке и что-то негромко сказал на ухо. Дива тут же отреагировала отлично отрепетированными руладами смеха.

Она изобразила на лице смущение, подобающее юной девственнице, поспешно извинилась перед Марией и вместе с мужчиной отошла к окну. Певица на ходу поправляла белоснежное меховое боа на полных покатых плечах, под которым виднелось сильно декольтированное платье.

– От скуки ты нашел предмет для увлечения? – Мария стрельнула бровью в сторону женщины, неизвестной Гурову. – Интересный выбор!

– Да, довольно любопытная персона, – кивнул Гуров. – Кто она такая? Не слишком похожа на светскую львицу.

– Ты прав, как и всегда, мой дорогой сыщик, – констатировала Мария. – Это Виктория Павловна, подруга Анны и по совместительству ее помощница.

– По постановкам? – удивился Гуров.

– Ну что ты! – Мария усмехнулась. – Помощница по дому.

– То есть домработница?

– Нет, не совсем так.

Мария в отличие от мужа уже успела познакомиться с Анной Кристаллер и даже побывать у нее дома. Она была хоть как-то осведомлена о домочадцах и жизнеустройстве своей потенциальной работодателицы.

– Это ее давняя подруга, – продолжила Мария просвещать своего мужа, совершенно темного, не разбирающегося в светских подробностях. – Кажется, они вместе учились в школе или жили в одном дворе. Точно не знаю, да это и неважно. Их отношения сохранились на долгие годы. – Тут Мария сделала паузу и усмехнулась. – Однако они у них несколько своеобразные. Я немного понаблюдала за этими дамами и сделала такой вывод: Анна очень любит подчеркивать, сколько она сделала для Виктории. Нет! – Мария подняла руку. – Разумеется, она не говорит об этом вслух. Госпожа Кристаллер слишком хитра. Она делает это куда более тонко. Наоборот, Анна всегда повторяет, что они с Викой лучшие подруги, что та для нее чуть ли не самый близкий человек. При этом она вздыхает, потупив глаза, словно ей неловко говорить о тех благах, которые достаются ее подруге. Но при этом весь вид госпожи Кристаллер светится этаким благоделательством.

– А может, она действительно для нее благоделательница? – спросил Гуров, скорее просто ради того, чтобы занять время.

– Ага! – в саркастичном возгласе Марии отчетливо слышался ответ. – Ты взгляни повнимательнее, как профессиональный сыщик. Виктория вроде бы ее приятельница, но при этом еще и помощница по дому. Казалось бы, что в этом плохого? Она работает у богатой подруги, ее услуги хорошо оплачиваются. Да только делать ей приходится слишком много! Практически все! Это сейчас здесь мельтешит куча прислуги по случаю торжества, а так лишь Виктория шуршит туда-сюда. Я-то была у Анны по другому случаю, по делу. Тогда тут крутилась одна Виктория Павловна. Только и слышалось: «Вика, подай, Вика, принеси, Вика, где то, Вика, где это?» Она и деловые бумаги приносила, и чай-кофе успевала подавать, да еще потом и убиралась после нашего ухода. Да, мы уже уходили, и я видела, как она надевала рабочий халат. Тогда я успела заметить, что когда Анна забывается, в ее тоне слышатся весьма властные нотки, даже пренебрежительные. Потом она, конечно, тут же спохватывается и снова становится самой любезностью, но этого не скроешь. А одета Виктория как? Настоящее пугало! Анна наверняка подсунула лучшей подруге какие-то свои обноски. Они ей даже не по размеру. Одежда хоть и дорогая, но давно вышедшая из моды. Это вещи из другой эпохи, такие носили несколько лет назад!

– Этого я знать не могу даже как сыщик, – перебил Лев Иванович разошедшуюся супругу и рассмеялся. – В моде я несилён, тем более в женской. Но я заметил, что Виктория Павловна действительно одета как-то не очень.

– А я тебе что говорю! – подхватила Мария. – Анна нарочно держит ее рядом, чтобы на фоне этой дурнушки выглядеть очаровательной особой. Да это же довольно распространенная ситуация. У писаной красавицы часто в лучших подругах откровенная страхолюдина. Это еще больше льстит ее самолюбию.

– Слушай, а почему же сама Виктория это терпит? Скажи мне, мой знаток психологии.

– Не знаю, – пожалала плечами Мария. – Над этим я как-то не задумывалась. Да в общем, может, и не надо ломать голову. В конце концов, все это не наше дело, и нас оно не касается.

– Да уж, портрет виновницы торжества ты мне нарисовала весьма своеобразный, малосимпатичный, – признался Гуров. – И я еще раз жалею, что мы...

– Тише! – Мария толкнула его в бок.

Гуров не успел закончить фразу, поскольку в этот момент в зал вошла сама виновница торжества. Наконец-то Лев Иванович Гуров смог рассмотреть ее как следует. Да, Анне Кристаллер явно нравилось блистать. Одежда ее при внешней скромности поражала своей элегант-

ностью, в ушах покачивались бриллиантовые сережки, а лицо выражало такую уверенность в себе, какая встречается только у людей, привыкших быть на высоте положения.

Однако в уголках глаз этой уже не слишком молодой женщины с безукоризненным макияжем таилась какая-то тревожность. Едва заметная, но почему-то Гуров обратил на нее внимание.

– Господа, я рада приветствовать вас в моем доме! – раздался великолепно поставленный голос Анны. – Прошу извинить за задержку. Мне хотелось лично поприветствовать каждого гостя. – Она тут же обезоруживающе улыбнулась: – Вы же знаете, что творческие люди не слишком пунктуальны. Но простим им эту маленькую слабость.

– Дорогая, ну сколько же можно! – протянул вдруг чей-то капризный ломаный голос, звучащий с легким акцентом.

Взгляд Гурова упал на молодого мужчину в белом костюме. Жгучий брюнет с копной волос, небрежно откинутых со лба. Голубые глаза явно свидетельствовали о том, что он покорило немало женских сердец. Мария таких красавцев, кстати, терпеть не могла. Гуров почему-то разделял ее мнение, хотя уж ему-то как мужчине на такие вещи и вовсе было наплевать.

Анна залилась серебристым смехом и ласково потрепала мужчину по волосам.

– Не сердись, милый, – проворковала она с видом молоденькой девушки, опоздавшей на свидание. – Ты же знаешь, я не всегда принадлежу себе. – Госпожа Кристаллер тихонько вздохнула, как показалось Гурову, несколько притворно.

– Да уж, – прошипел себе под нос какой-то совсем молодой парень, сидевший правее полковника, и громко произнес: – Давайте уже начинать, в конце концов!

– Конечно, дорогой, – Анна метнула в его сторону торопливый взгляд, в котором перемешались чувство вины и что-то еще, непонятное Гурову. – Опять прошу прощения у всех сразу. Итак, наполним бокалы и начнем!

Все оживились. Со всех сторон стали раздаваться звяканье бутылок и хлопки пробок открываемого шампанского. Полился в высокие фужеры пенистый напиток, заструился в пузатые рюмочки коньяк, зазвенели ложки и вилки. Когда посуда была наполнена, Анна негромко постучала вилок по краю бокала, поднялась и произнесла своим замечательным сопрано:

– Господа, еще раз приветствую вас у себя в гостях и хочу напомнить, что повод, по которому мы собрались, имеет под собой как творческую, так и деловую основу. Интересно это далеко не всем присутствующим. – Она сделала паузу, услышав поспешные заверения о том, что это не так, доносившиеся с разных концов стола, махнула рукой и продолжила: – Оставьте, я прекрасно все понимаю, но никак не могу оставить без внимания наш будущий проект. Дабы не утомлять вас официозом, я прямо сейчас произнесу все подходящие случаю речи. Потом мы сможем спокойно и беззаботно предаваться веселью...

– И разврату, – пробурчал все тот же юнец, сидевший справа от Гурова.

Полковник мельком бросил на него взгляд и уловил, что одежда молодого человека не слишком-то соответствовала торжественному моменту. На нем был явный тинейджерский прикид, хотя парень уже несколько перерос данный возраст. На вид ему было лет двадцать. Ярро-розовая майка и куцые джинсики отлично смотрелись бы на нем года три-четыре назад.

На голове его красовалась бейсболка, повернутая козырьком назад. Светло-русые волосы с косой длинной челкой выбивались из-под нее. Серые глаза смотрели на все происходящее устало и недовольно.

Парень явно демонстрировал, что ему здесь скучно, и только некие обстоятельства, неизвестные окружающим, вынуждают его терпеть эту тяготину. Никакого намека на лесть, заискивание перед Анной или даже на уважение к ней и в помине не было.

Гуров не знал, кто это. Он предположил, что сей молодой человек вполне может быть какой-то юной суперзвездой. Анна предполагает взять ее на главную роль в своем мюзикле, а

звезда ломается, показывает, что ей нет до этого дела. Мол, все эти мегапроекты мне ужасно надоели.

Анна сделала вид, что не услышала реплики, брошенной парнем. Хотя красноватые пятна, проступившие сквозь слой макияжа, выдавали ее, говорили о том, что она все прекрасно уловила.

Отлично владея собой, хозяйка дома продолжала:

– Сегодняшний вечер, проведенный в неформальной обстановке, поможет нам окончательно разобраться в наших будущих отношениях. Я, конечно же, имею в виду участников предстоящего мюзикла. Мы познакомимся поближе, узнаем друг друга и, надеюсь, поймем, как нам дальше сотрудничать, дабы сделать по-настоящему хороший проект. Первый тост я предлагаю за осуществление наших грандиозных планов! – Она мило улыбнулась и подняла фужер.

Гости тоже заулыбались. Послышались реплики одобрения, кто-то даже зааплодировал. Анна поднесла фужер к губам. Все встали, прозвенели бокалами, поддержали тост. Затем персоны, приглашенные на банкет, опустили обратно на мягкие, очень удобные стулья с витыми спинками, принялись пить и закусывать.

На некоторое время все разговоры смолкли, уступив место празднику живота. Гуров выпил коньяк и тоже приступил к еде, тем более что стол был довольно богатым и разнообразным. Мария чувствовала себя здесь явно увереннее, чем он. Супруга сыщика имела большой опыт закулисных банкетов, закатываемых после спектакля. Во всяком случае, она была спокойна. Гуров же почему-то никак не мог отделаться от легкого ощущения тревоги. Что его вызывало, полковник не мог понять.

Он подготовился очень хорошо. Все было продумано, рассчитано до мелочей. Конечно, во многом, нужно признать, помогло везение, удача, без которой в его деле на успех рассчитывать не приходится, каким бы профессионалом ты ни был. А тут козырные карты сами плыли в руки. Это придавало ему твердости, уверенности в том, что все идет как надо.

Он уже ощущал, как внутри зажегся знакомый огонек, который приятно скользил по телу, возбуждал. Это был огонек азарта, ради которого он и выполнял свою работу, любимую не только за то, что она приносила ему деньги, позволяющие жить безбедно. Только ограниченные люди воспринимали его профессию как нечто тупое, требующее только одного умения – стрелять. Он был не настолько примитивен, чтобы так к себе относиться.

Что понимают все эти дураки! Разве они знают, что такое слежка, подготовка, осмотр, долгие часы ожидания, когда нужно смиренное терпение, полное хладнокровие и быстрая реакция, так необходимая в непредвиденных ситуациях, которых тоже хватает в его деле? Все нужно исполнять спокойно и четко, при этом ощущая, как огонек внутри щекочет нервы, пополняет организм адреналином, без которого все вокруг – серая, бессмысленная преснятина!

Ну и, конечно, сопутствующие факторы – глазомер, точность, твердость руки. Но это уже потом. Основная работа заключается не в нажатии на курок, а в предварительной подготовке.

На этот раз она была проведена основательно. Работа облегчалась тем, что размышлять ему пришлось не одному. Собственно, за него продумали многое, если не основное. Ему оставалось совсем немного: действовать согласно инструкциям, не отступая от них ни на шаг.

Он спокойно смотрел вокруг. Дело шло так, как и было задумано, все должно получиться. Ах, как колотится сердце в ожидании часа X! Но стучит оно ритмично, не сбиваясь, не учащая пульса. Конечно, опыт – штука важнейшая. Он надежнее всякой теории. Будь ты трижды отличным учеником, но пока руку набьешь и станешь крутым профессионалом, тебе многое придется пережить.

Особенно если ты прежде работал под руководством настоящего мастера. Когда рядом с тобой человек бывалый, ты чувствуешь себя спокойно, знаешь, что основная доля ответственности лежит на нем. Если даже ты облажаешься, то учитель тебя прикроет.

Но для него эти времена давно в прошлом. Он уже и не помнил, когда научился делать все сам, полагаясь на собственное чутье, интуицию, разум. Ему уже казалось, что так было всегда, что он таким родился – грамотным, умным волком-одиночкой. Конечно, хорошо, когда хозяева за тебя продумывают, но твою работу они не сделают, лишь облегчат ее. Как и на этот раз.

Эх, скорее бы уж! Что-то волноваться стал, нехорошо это. Или старость уже подкатывает? Да ну, ерунда, какая старость! У него сейчас самый расцвет, можно сказать, звездный возраст. Впереди еще масса побед. Многого нужно успеть, чтобы потом отойти от дел со спокойной совестью.

Его рука осторожно скользнула в карман. Ствол лежал там и послушно лег в ладонь, которая сразу ощутила благородную тяжесть и холодок металла. Отпечатки стереть потом он не забудет. Это у него уже давно происходит на автомате. Сейчас главное – дождаться. Считай, половина дела сделана, а все остальное займет считанные минуты.

Он вытащил руку из кармана, вытянул в сторону, скосил глаза. Нет, не дрожит. Да и не должна. С чего он вдруг забеспокоился-то так? К нему давным-давно не приходило это ощущение.

Хотя он его, помнил. Если уж быть честным перед самим собой до конца, то надо признать, что страх всегда сопровождал его в работе. Он был постоянным спутником, верным как женщина, влюбленная по уши. Сколько нервов оставлено на чердаках, в подъездах, на крышах!.. Сколько седых волос добавили ему эти чердаки и крыши, томительные минуты перед роковым событием, даже секунды, черт бы их драл!

Врет тот, кто говорит, что ничего не боится. Это нормально. Всегда так бывает. Главное – победить свой страх. Он много лет назад научился это делать, хорошо знает, как с ним справиться, и сегодня обязательно не даст ему воли.

Убийца мельком глянул на часы и тут же подумал, что время сейчас ни при чем. Его успех зависит от других факторов. Уже скоро!.. Он ведь дождался. Теперь начинается самое интересное.

Его сердце застучало как птица, попавшая в силки. До того сильно, что захотелось руку к нему приложить, придержать, как бы не выскочило. Но внешне – полное спокойствие. Ни один мускул не должен дрогнуть.

Так, пора подниматься. Надо вставать и идти, даже не прикасаясь к карману. Сейчас потекут последние минуты, самые тяжкие и приятные, раздирающие нервную систему и зажигающие ее энергией. Теперь нужно делать все незаметно, очень тихо и быстро, быть готовым к тому, что кто-то вдруг помешает.

Да это понятно. Он уже и так все не раз основательно продумал. Киллер натянул перчатки, снова коснулся ствола. Как же все-таки он согревает руку! Да и не только ее. Оружие насыщает теплом все тело, успокаивает, обещает тебе, что не подведет, что оно сейчас твой защитник и самый лучший помощник. Вкупе с твоим мастерством. Тихий щелчок, патрон в патронник – порядок!

Ну вот, а теперь снова ждать. Осталось совсем чуть-чуть. Вот и все. Кажется, пора. Убийца осторожно поднял руку. Через несколько роковых секунд он выстрелит.

Звучала музыка, гости жевали, изредка перебрасываясь друг с другом мало значащими фразами. Порхали вокруг стола девушки-официантки в белых кружевных передниках. Вся атмосфера мероприятия никак не свидетельствовала о том, что есть хоть малейший повод для беспокойства.

Прозвучало еще несколько тостов. Гости с удовольствием пили и закусывали. Многие расслабились и уже не выглядели так напыщенно и подтянуто, как в начале вечера.

Журналистка Жанна Саакян растянула верхние пуговицы своего немислимо яркого балахона. Под ним открылось нечто, напоминающее верхнюю часть купальника, туго стяжавшее и высоко поднимавшее ее худосочную грудь.

Некоторые дамы бросали на Жанну взгляды, полные жгучего сарказма, и словно невзначай демонстрировали собственные великолепные фигуры. Жанна, казалось, ничего этого не замечала, поглощенная атмосферой вечера. Гуров не сомневался в том, что она непременно подготовит репортаж об этом мероприятии.

Он обратил внимание на парня в бейсболке. Тот с большим бокалом в руке слез со своего стула, прошел к подоконнику, запрыгнул на него и подтянул одну ногу к подбородку. Там он и устроился на довольно долгое время. Молодой человек периодически потягивал из бокала какой-то коктейль и поглядывал на всех с явно наплевательским видом.

Анна несколько раз бросала на парня косые взгляды. Она вроде бы собиралась подойти к нему и сделать замечание по поводу его откровенно вызывающего поведения, однако каждый раз прикусывала губу и оставалась на месте. Длинноволосый брюнет, сидевший подле нее, разомлел от выпитого. Он откинулся на спинку стула и все время гладил левую руку Анны. Та рассеянно похлопывала ею по колену парня.

С другой стороны от хозяйки сидел невысокий лысеющий мужчина лет пятидесяти с характерной горбинкой на носу. Он вел себя очень невозмутимо. Насмешливые искорки, блестящие за очками, выдавали его иронию, однако внешне он был чрезвычайно учтив, не забывал подливать Анне и ее молодому спутнику вина, подкладывая закуски.

Да и вообще Гуров заметил, что его маленькие юркие глазки постоянно находились в движении, успевали следить за всеми, кто находился в зале, и фиксировать происходящее. Человек этот, кажется, привык держать все под контролем, оставаясь при этом незаметным.

– Этот субъект случайно не из разведки? – пошутил Гуров, склонившись к Марии.

Та смерила его недоуменным взглядом.

– Что ты! Это Лев Хаимович Лейбман, продюсер Анны. Именно он занимается всеми организационными вопросами. Поговаривают, что именно Лев Хаимович сумел добиться такой высокой суммы гонорара за мюзикл, – поведала Мария.

Она уже наелась и теперь сидела, пощипывая гроздь винограда и изящно отправляя в рот по одной яголке.

Мимо Анны прошел мужчина непонятного возраста с красным лицом, закутанный в кашне по самые глаза. Он непрерывно кашлял и прижимал к лицу большой носовой платок.

– Василий Юрьевич! – встрепенулась госпожа Кристаллер. – Боже мой, вы же насквозь простужены и все-таки пришли!

– Пустяки, – пробурчал мужчина, сияясь улыбнуться. – Все в порядке. На вашем банкете я даже почувствовал себя лучше.

– Нет, это просто подвиг, что вы решились прийти в таком состоянии! – продолжала изливаться в любезностях Анна. – Все же вам лучше было бы отлежаться в постели. Честное слово, я бы не обиделась. Я все понимаю!

– Если бы я не пришел, то потом сам себе не простил бы, что не отведал столь изумительного коньяка. – Мужчина усмехнулся, и Анна сразу же закатилась веселым смехом.

– Ой, ну вы у нас просто герой, – качая головой, произнесла она.

Ее собеседник кивнул и поспешил покинуть зал. Видимо, ему стало совсем худо, поскольку он закрыл лицо платком.

– Сериальный актер, – предвосхитив вопрос Гурова, кратко пояснила Мария. – Ты его должен знать. Василий Завадский.

Гуров припомнил, что это лицо и впрямь мелькало на экране, кочевало по каким-то остросюжетным сериалам, похожим друг на друга как братья-близнецы.

– А этот мачо, который столь усердно наглаживает руку Анны, что вот-вот протрет на ней дыру, – это кто? Ее сын? – поинтересовался он.

Мария не успела ответить, потому что в этот момент от окна донеслись довольно грубые фразы. Гуров с женой повернулись в ту сторону. Там явно назревал если не конфликт, то не слишком приятный инцидент.

Андрей Сенин, которому кто-то позвонил по сотовому телефону, встал из-за стола и отошел к окну, чтобы лучше слышать. Видимо, в этот момент он неосторожно задел локтем парня в бейсболке. Ничего страшного в этом не было, тем более что Сенин тут же автоматически извинился, не прерывая беседы по телефону. Однако у парня, видимо, было свое мнение на данный счет. Он не стал оставлять этот пустяк без внимания.

– А поосторожнее нельзя? – спросил молодой человек так громко, что его услышал не только Сенин, но и многие гости, сидящие за столом.

Сенин на секунду прервал разговор, бросил на парня взгляд, полный недоумения, и раздельно повторил:

– Прошу прощения! Я не нарочно.

Парень тем не менее завелся. Он, казалось, был только рад представившемуся поводу для конфликта, высосанному из пальца. Явно не желая принимать извинений и вообще переходить на цивилизованный метод общения, он продолжал придирается к Сенину. Молодой человек на повышенных тонах заявил, что это его место. Он первым тут устроился и вообще в этом доме имеет право делать все, что только захочет, в отличие от всяких бездарных выскочек.

При последней фразе Гуров невольно начал приподниматься со стула, так как опасался, что словесный конфликт перейдет в рукопашный. Сенин, кажется, уже и сам был настроен на это, тем более что на них смотрела добрая половина гостей. Многие начали перешептываться. Сенин огромным усилием воли заставил себя сдержаться, даже выдал подобие улыбки и отошел в сторону, решив не связываться с подвыпившим переростком.

Гуров стрельнул взглядом в сторону хозяйки. Анна нахмурилась, однако почему-то не поднялась со своего места. Она растерянно смотрела то на парня, то на Лейбмана. Лев Хаимович что-то коротко спросил у нее. Она быстро кивнула.

Тут в дело вмешалась Виктория Павловна. Сказав Анне что-то успокаивающее, она быстро подошла к парню, положила ему руку на плечо и стала что-то негромко говорить ему на ухо. Сенин тем временем вышел за дверь, на ходу продолжая разговор.

Парень слушал Викторину Павловну с крайне недовольным выражением на лице, но молчал. Потом, так же ни слова не говоря, он вдруг поднялся, залпом допил свой коктейль и порывисто последовал к двери.

– Эдик! – встревоженно крикнула ему в спину Виктория Павловна и бросилась было следом, но Лев Хаимович Лейбман задержал ее за руку и что-то сказал.

Виктория Павловна в растерянности замерла подле него. Лейбман тихонько стал ей что-то советовать, при этом постоянно бросая обеспокоенные взгляды на дверь.

Парня по имени Эдик не было минут десять. Когда он вернулся, лицо у него было совсем обычным, вполне спокойным. Он снова подошел к окну, запрыгнул на подоконник и свесил с него длинные ноги.

Виктория Павловна тут же оставила без внимания все советы Лейбмана и поспешила к нему. Она принялась с жаром поглаживать паренька по плечу и нашептывать что-то на ухо. Наконец Викторине Павловне вроде бы удалось его убедить, потому что он утвердительно кивнул и махнул рукой. Сенин, на счастье, закончил свой разговор, вернулся в зал и ушел в сторону площадки для танцев. Она находилась довольно далеко от окна, облюбованного агрессивным Эдиком.

Следом ситуация переменялась окончательно. В зал уверенной походкой вдруг вошел мужчина средних лет, державший в руках огромный букет темно-красных роз. На первый взгляд это был кто-то из особенно припозднившихся гостей, однако при его появлении произошли явные изменения в поведении некоторых присутствующих.

Лейбман первым заметил этого мужчину и коротко бросил что-то Анне. Она мгновенно встрепенулась, выдернула свою ладонь из руки брюнета, выпрямилась и нацепила на лицо приветливую улыбку. Брюнет тут же скинул так, будто вместо вина принял уксуса. Парень в бейсболке, прилипший, казалось, намертво к подоконнику, вдруг завозился и слез с него. Он одернул майку, наконец-то снял свой головной убор и положил его на подоконник.

Виктория Павловна, казалось, была рада появлению этого человека. Она поспешила навстречу, приветливо кивнула ему и что-то сказала. Мужчина поздоровался с ней и двинулся в сторону госпожи Кристаллер. Та приподнялась на стуле.

– Анна, дорогая, привет! – небрежно бросил мужчина. – Рад тебя видеть. Вот решил поздравить с творческим, так сказать, почином и пожелать, чтобы все сложилось даже лучше, чем ты сейчас планируешь! – Он протянул хозяйке букет.

Та приняла его с искренней, как показалось Гурову, благодарностью и произнесла:

– Спасибо тебе! Давай-ка присаживайся, сейчас мы с тобой пообщаемся. Давно не говорили.

– Да я, собственно, ненадолго. – Мужчина пожал плечами.

– Выпьешь? – коротко поинтересовалась Анна, кивая на бутылку коньяка.

– Нет, я за рулем, – ответил мужчина.

– Тони, будь добр, подвинься немного, – проговорила Анна, глядя на брюнета. – Нам с Анатолием Петровичем нужно кое-что обсудить. Вика, распорядись, чтобы принесли еще одно горячее, – крикнула Анна лучшей подруге, и та тотчас отправилась выполнять поручение.

Вскоре перед Анатолием Петровичем появилась большая тарелка, а сама Виктория Павловна присела чуть поодаль.

Длинноволосый Тони поднялся и очень вежливо кивнул только что прибывшему Анатолию Петровичу, заставившему его покинуть законное место. При этом глаза брюнета гневно сверкали. Он гордо вскинул красивую голову и удалился в глубь зала.

Там уже полным ходом шла дискотека. При этом гости невольно разделили площадку на две части. С одной стороны чинно кружились в классическом танце оперные дивы, политики и прочие солидные люди в возрасте. С другой громко зажигала молодежь, в число которой входили спортсмены, девочки с подтанцовок и прочие люди, близкие им по возрасту. Среди них активно двигалась Жанна Саакян, высоко вскидывая свои худые ноги.

Музыка с каждой стороны тоже звучала своя. При этом все, кажется, чувствовали себя вполне гармонично.

Между двумя этими группами оказался Андрей Сенин, который, видимо, никак не мог определиться, куда же ему примкнуть, и старался быть среди тех и других. Он дергался под ритмичную музыку, после чего принимался плавно скользить под классику вальса. Его партнера Полонского почему-то не было видно нигде – ни за столом, ни на танцполе.

Тони, вежливо изгнанный со своего места, не задумываясь вклинился в молодежную среду. Он быстро и плавно подхватил какую-то девушку и стал танцевать с нею, не убирая своей ладони с ее спины.

Анна пару раз бросила в ту сторону быстрый взгляд, после чего заставила себя успокоиться. Она улыбнулась таинственному Анатолию Петровичу и вполголоса заговорила с ним о чем-то. Тот внимательно слушал ее, не забывая при этом есть.

Лев Хаимович Лейбман поднялся со своего места и вышел из зала. Виктория Павловна почему-то стрельнула по сторонам глазами и быстро отправилась следом за ним. Гуров видел, как у двери она догнала его и что-то сказала.

– Наверное, уже скоро все закончится? – спросил полковник, взглянув на часы.

– Потерпи еще немного, – сказала Мария.

Банкет продолжался уже полтора часа. По мнению Гурова, они вполне высидели тут время, предписанное правилами приличия. Ему уже хотелось домой, однако никто из присутствующих, кажется, не разделял его настроения. Все радостно предавались веселью, как и призывала в начале вечера хозяйка.

Разве что светловолосый парень по имени Эдик не хотел развлекаться, а стремился к уединению. Гуров отметил, что после прибытия Анатолия Петровича молодой человек стал вести себя намного скромнее и незаметнее. Он стал возле подоконника и поглядывал на Анну, беседующую с этим мужчиной.

Тот, кажется, заметил этот взгляд, потому что в какой-то момент вдруг оторвался от тарелки, поднял голову и поманил парня рукой. Эдик послушно подошел и присел на место, освободившееся после ухода Лейбмана. Анатолий Петрович задавал парню какие-то вопросы, тот вяло отвечал на них.

Наконец мужчина раздраженно махнул рукой и сказал молодому человеку что-то явно нелестное. Тот ничего не ответил, встал и отошел. При этом он чуть не сбил Тони, двигавшегося мимо него и придерживавшего за талию ту самую девушку, с которой только что танцевал. Они прошли к выходу и скрылись за дверью.

Анна проводила их взглядом с досадой, которую уже и не пыталась скрыть. Поиграв губами, она продолжила разговор с Анатолием Петровичем.

Гуров все чаще кидал взгляды то на часы, то на присутствующих, пытаясь определить, не собирается ли кто-либо из гостей покинуть дом Анны Кристаллер. Увы, никто не спешил этого делать. Наоборот, вечер, кажется, был в самом разгаре. Полковник кое-как подавил досаду.

Правда, один из гостей все-таки, кажется, счел свое присутствие здесь законченным. Анатолий Петрович доел ужин, поднялся, промокнул рот салфеткой и двинулся к двери. Анна встала и пошла его провожать.

– Не стоит, дорогая, дальше я сам. Возвращайся к гостям, – долетел до ушей Гурова голос Анатолия Петровича.

Госпожа Кристаллер встала подле двери, продолжая говорить. Как показалось Гурову, Анна на что-то жаловалась. Анатолий Петрович слушал внимательно, но при этом уже держался за ручку входной двери. Неизвестно, сколько продолжалось бы это странное прощание, если бы у Анны вдруг не запищал сотовый телефон. Она извинилась, достала его, нажала кнопку и тут же нахмурилась.

– Я через три дня вернусь, позвоню и тогда скажу, что надумал, – проговорил Анатолий Петрович, однако Анна слабо реагировала на его слова.

Госпожа Кристаллер явно изменилась лицом. Видимо, ей пришло какое-то очень важное сообщение. Она растерянно оглянулась, поводила блуждающим взглядом по залу, но, кажется, не обнаружила того, что искала. Затем женщина подняла глаза на Анатолия Петровича. В них застыла беспомощность.

Тот почувствовал неладное, нахмурился и спросил:

– Что-то случилось, да, Анна?

Она словно очнулась, помотала головой из стороны в сторону, приложила руки к вискам, словно пытаясь унять боль, и торопливо заговорила:

– Нет-нет, все в порядке! Через три дня вернешься, говоришь? Ну вот и хорошо, тогда и поговорим. Все, давай-давай! – Она легонько подтолкнула Анатолия Петровича вперед.

Тот пошел, потом оглянулся и бросил на Анну взгляд, в котором читалась озабоченность. Однако он все-таки вышел. Анна быстрым шагом проследовала за ним и оставила банкетный зал.

Гуров посмотрел на чуть улыбающуюся Марию.

– Черт знает что такое! – не сдержался полковник. – Извини меня, конечно, но эта хозяйка, по моему мнению, несколько не в себе. Странная, эксцентричная особа! Либо же она изо всех сил корчит из себя таковую! – не выдержал Гуров.

– Сыщик, успокойся. – Мария ласково накрыла его руку своей. – Скоро уже поедим домой, я тебе обещаю!

– Давай так, – решительно заявил Гуров. – Сейчас она вернется, мы поблагодарим ее за теплый прием, пожелаем творческих успехов и немедленно удалимся. Меня уже подташнивает от всего этого!

– Да ладно тебе. – Мария с легким беспокойством сжала его ладонь. – Не так уж все тошнотворно, не преувеличивай!

– Это ты себя чувствуешь в подобной атмосфере как рыба в воде! – резко сказал Гуров. – А мне надоело! Я уже сполна отдал дань вежливости и твоему будущему гонорару!

Мария закусила губу. По всей видимости, тон Льва Ивановича все же ее обидел, однако она не стала ничего ему высказывать сейчас. Мария вообще не устраивала сцен публично. Этого ей с лихвой хватало в профессиональной деятельности. Да и наедине с мужем она практически не закатывала истерик. Мария принялась бесцельно водить пальцем по салфетке, лежавшей на столе.

Гуров уже сожалел о своей вспышке и решил, что едва они выйдут отсюда, он ни словом не помянет ни этот прием, ни свое к нему отношение. И вообще, остаток вечера они проведут тихо-мирно дома, вдвоем, например, перед телевизором, по-обывательски, совсем простенько. Сегодня это будет только на пользу обоим.

Мария взяла сумочку, открыла ее и достала маленькое зеркало. Гуров понял, что она собирается последовать его предложению и покинуть дом Анны Кристаллер. Оставалось дожидаться саму хозяйку, которая снова куда-то запропастилась.

Вскоре появился Лев Хаимович и спокойно занял свое место. Через некоторое время в зал незаметно проскользнула и Виктория Павловна. Она окинула зал каким-то отсутствующим взглядом и тихо присела на чей-то стул. Лучшая подруга госпожи Кристаллер выглядела утомленной, от макияжа не осталось и следа, а глаза были заплаканными.

Но Гуров уже не обращал внимания на все происходящее. Мыслями он уже был не здесь, а у дома.

Гости, кажется, прекрасно чувствовали себя и без хозяйки. Никто особо не переживал по поводу ее отсутствия. Все были беззаботны и веселы, раскованы от алкоголя и непринужденной обстановки.

Тем страшнее и неправдоподобнее прозвучал посреди легкой музыки вопль, полный настоящего ужаса:

– Помогите! Все сюда! Скорее! Она мертвая!

Глава 2

Крик был женским и очень громким, переходящим в визг. Он буквально пробил музыкальный фон, взорвал его беззаботную непринужденность, выдернул людей из приятной атмосферы, мгновенно дал понять: случилось что-то не просто страшное, а непоправимое. Красивое и нарядное окружение, роскошь обстановки, богатство стола и радужное настроение – всего этого больше нет. Оно зачеркнуто, перекрещено истошным женским воплем, возвещающим о какой-то трагедии.

Ступор первого момента, когда все замерли в изумлении, впитывали в сознание услышанное, постепенно сходил. Он и длился-то считанные секунды, которые только в экстремальной ситуации казались долгими. Люди стали приходить в себя.

Послышались робкие вопросы:

– Кто мертвая?

– Где?

– Да ерунда. Наверное, недоразумение какое-то!

– Плохо, видимо, стало кому-то.

Только два человека отреагировали на крик по-деловому. Оба сделали это в силу своей профессии, хотя она и была у каждого своя.

Лев Хаимович Лейбман, продюсер и руководитель, привык держать все под контролем. Он резко поднялся со своего места и торопливо зашагал к кричавшей женщине.

Она стояла в дверях, обхватив себя за плечи обеими руками, словно сильно мерзла и пыталась согреться. Ее и впрямь потрясывало, но, вероятнее всего, от пережитого шока.

С другой стороны к женщине подходил Гуров. Он даже в светской обстановке, куда был приглашен в качестве гостя, не переставал быть опером. Полковник понимал, что сейчас в его силах внести ясность и порядок в ситуацию, разобраться в ней и избежать паники. Она сейчас была совершенно ни к чему, что бы там ни произошло на самом деле.

Гуров подошел к женщине первым, положил ей руку на плечо и спросил:

– Где она?

Женщина вскинула на него широко распахнутые глаза, заморгала накрашенными ресницами, дрожащей рукой ткнула в сторону коридора и ответила:

– Там. В комнате отдыха.

Гуров успокаивающе похлопал ее по плечу и двинулся в указанном направлении. За ним, полсекунды подумав, последовал Лейбман. Дверь в комнату была приоткрыта. Полковник осторожно распахнул ее и заглянул внутрь. Там было очень светло, поскольку лампы, встроенные в потолок, сейчас работали все до единой.

Анна Кристаллер лежала на боку в центре комнаты, подвернув под себя одну ногу. Лицо ее было хорошо видно, особенно глаза, широко открытые, в которых застыло выражение какой-то горечи. Они были совершенно неподвижны. Рот ее был приоткрыт, а уголки его скорбно опущены.

Одного взгляда на госпожу Кристаллер было достаточно, чтобы понять, что она мертва, и это отнюдь не сердечный приступ. В самой середине высокого открытого лба женщины виднелось округлое отверстие с запекшейся кровью, по краям которого проходил синеватый ободок, так хорошо знакомый сыщику Гурову. Такой след оставляет на теле порох после пулевого ранения.

Гуров услышал, как протяжно вздохнул Лейбман, стоявший за его спиной, повернулся к нему и спросил:

– С кем она сюда вошла? Вы видели?

– Нет. – Лев Хаимович едва разлепил пересохшие губы.

– Вы, кажется, вернулись в зал совсем недавно?

– Да, но я был в другом месте, – пробормотал Лейбман.

Его маленькие глазки были сощурены, он сосредоточенно о чем-то размышлял.

Гуров несколько секунд наблюдал за ним, потом произнес:

– Нужно вызывать полицию.

– Именно об этом я и думаю. – Лейбман мрачно кивнул. – Видимо, придется вызывать.

Тут уже никуда не денешься. – Он достал из кармана сотовый телефон, потом посмотрел на Гурова и спросил: – Может быть, вы позвоните?

– А какая разница?

– Видите ли, насколько мне известно, тому человеку, который вызвал стражей порядка, приходится отвечать на массу дополнительных вопросов. Это лишние хлопоты. У меня сейчас и так забот по горло. Представляете себе ситуацию? Похороны, нотариальные дела, рабочие моменты!.. Это же все ляжет на мои плечи!

Гуров подумал, что этот человек на удивление хладнокровно воспринял смерть своей работодательницы. Это при том, что они, кажется, сотрудничали не первый год, проводили много времени бок о бок. И вообще, наблюдая за Лейбманом и Анной во время банкета, сыщик пришел к выводу, что Лев Хаимович в доме свой человек. Он вел себя уверенно и где-то даже по-хозяйски.

Поэтому его слишком хладнокровное поведение сейчас выглядело особенно странным. Вероятно, он был настолько деловым человеком, прирожденным администратором, что рационализм и четкость всегда стояли у него на первом месте и вытесняли все остальное. То ли Лев Хаимович ожидал этой трагедии. Во всяком случае, Лейбман не рыдал, не сокрушался, даже не вздыхал, сохранял здравость и ясность мышления.

– Распорядитесь, чтобы охрана никого не выпускала из дома! – бросил полковник Лейбману. – До приезда полиции все остаются на своих местах, как бы они там ни протестовали. Объясните, что это в их же интересах. В противном случае участников мероприятия и обслуживающий персонал вызовут в полицию, не принимая в расчет, сколько времени на часах.

Лейбман кивнул и вышел из комнаты. Через пару секунд из зала донесся его голос. Лев Хаимович призывал всех гостей успокоиться и дожидаться приезда полиции.

Гуров молча достал сотовый телефон и набрал свой служебный номер. Он знал, что в главном управлении сейчас находился только дежурный, но и не собирался докладывать о произошедшем генерал-лейтенанту Петру Николаевичу Орлову. Полковник вел себя как обычный человек, исполняющий свой гражданский долг, а не как оперуполномоченный по особо важным делам, прослуживший несколько десятков лет.

Лев Иванович услышал голос дежурного, представился, коротко изложил ситуацию, потребовал выслать опергруппу на место происшествия. Гуров услышал вопрос, нужно ли докладывать о случившемся Орлову, и уточнил, на месте ли тот. Он получил ответ, что генерал-лейтенант полчаса назад уехал домой, и высказался отрицательно.

– Я сам ему доложу, – добавил сыщик и разъединил связь.

Гуров задумчиво поскреб свой подбородок. Орлову, по всей видимости, сообщить все же придется. Ему так и так доложат о случившемся. Дело-то ведь не рядовое!

Анна Кристаллер – она ведь гражданка Германии? Или нет? Этого Гуров не знал. Так или иначе, но убийство известной, преуспевающей личности, к тому же накануне осуществления нового проекта, о котором уже упоминалось в прессе, незамеченным не пройдет. Орлова начнут трясти со всех сторон.

Так бывало всякий раз при совершении особо тяжкого резонансного преступления. Сегодняшний инцидент вполне подходил под это определение. Орлову ничего не останется, как оправдываться, заверять, что работа идет полным ходом. Мол, его подчиненные, да и он сам прилагают все усилия для поимки преступника.

Генерал-лейтенант в сотый раз услышит, что убийство это должно быть раскрыто в кратчайшие сроки. Ему придется соглашаться и морщиться. Потом он станет глотать валидол и вызывать своих сыщиков для отчета, доклада, раздачи профилактических оплеух и добрых советов.

Все это уже происходило неоднократно. Всегда было трудно, но в большинстве случаев дело разрешалось благополучно. Порой оно оборачивалось благодарностями и поощрениями. Только сам Петр Николаевич Орлов знал, сколько седых волос добавлено на его голову и какое количество нервных клеток убито намертво.

Но Гуров тоже не был наивным юнцом. Посему он решил не тревожить Орлова до утра. «Пусть хотя бы ночь поспит спокойно», – подумал сыщик.

До приезда опергруппы ему нужно было управиться с одним важным делом: самому осмотреть место убийства. Нет, вовсе не потому, что ему придется над ним работать. Гуров вообще не знал, кому поручат это убийство.

Просто как прирожденный сыщик, оказавшийся на месте совершения тяжкого преступления, он не мог занять полностью стороннюю позицию. Ему хотелось вникнуть хотя бы в техническую схему этого убийства. В первую очередь его интересовало, где оружие. Возле тела ничего подобного не было.

Гуров посмотрел по сторонам, на окно, задернутое плотными шторами изумрудно-зеленого цвета. Он подошел к нему и осторожно отдернул ткань. Окно было закрыто, никаких дырок от пули в нем не имелось – отличное целехонькое стекло высотой почти во всю стену. Следовательно, в Анну стреляли не с улицы, а прямо отсюда, из комнаты. Пистолет, разумеется, был с глушителем. Но где же он?

Ответить на этот вопрос даже гипотетически Гуров не успел, поскольку со стороны коридора раздался истошный, совершенно истерический крик:

– Пустите меня сейчас же! Я все равно войду, имею право! А вы пошли все вон! Я вас всех ненавижу!

Гуров едва обернулся к двери, как та распахнулась, и в комнату, чуть не сбив с ног Льва Хаимовича Лейбмана, ворвался светловолосый парень. Гуров тут же узнал Эдика, хотя вид у парня был еще тот. Бейсболка съехала на затылок, длинная челка растрепалась, а футболка, за которую сзади его пытался удержать Лейбман, вот-вот готова была с треском порваться. Но главное состояло в том, что глаза у парня были просто дикими, почти неменяемыми.

Он невидящим взглядом поблуждал по комнате, кажется, даже не заметил Гурова и не слышал того, что настойчиво говорил ему Лейбман. Затем его взгляд упал на тело, лежавшее на полу. Парень сразу как-то сжался, обмяк, словно внутри него лопнула пружина, державшая его в напряжении. Он стал совсем растерянным, только медленно моргал ресницами.

Лейбман обреченно вздохнул, отпустил его футболку и махнул рукой. Мол, теперь уж все равно.

Эдик неуверенно сделал пару шагов, остановился возле тела и наклонился к нему. Он всматривался в лицо Анны и никак не мог поверить, что это она. Постояв несколько секунд в таком положении, он протянул руку и провел ею по лицу женщины.

– Мама, – как-то удивленно произнес Эдик и всхлипнул.

Потом парень опустился на пол. Бейсболка упала с его головы, но он даже не обратил на это никакого внимания. Эдик вдруг всхлипнул еще пару раз, а затем заревел, совсем как маленький ребенок, кулаками вытирая глаза, размазывая слезы по щекам.

Лейбман решительно шагнул к нему, с неожиданной для его комплекции силой и ловкостью подхватил Эдика под мышки и приподнял.

– Пойдем, – мягко проговорил он. – Не нужно тебе сейчас тут быть. Давай поговорим, посидим спокойно.

Он повел парня к двери. Тот послушно шагнул, на ходу утирал слезы и не делал попыток воспротивиться. Вся его агрессия и напор ушли, уступили место боли и какой-то покорности. Он шел, переставляя ноги механически, как робот.

В коридоре показалась испуганная Виктория Павловна. Увидев бредущего Эдика, она тут же всплеснула руками, подхватила его под локоть с другой стороны и тоже принялась говорить что-то успокаивающее. Потом Виктория Павловна повела парня на второй этаж, а Лейбман встал у двери, преграждая посторонним личностям путь в комнату с телом покойной.

Гуров остался там один и снова вернулся к своим мыслям на тему об убийстве хозяйки дома. Он прикрыл глаза, держа в памяти положение тела Анны и пытаясь представить, как все произошло.

Анна Кристаллер вошла в эту комнату, сделала буквально пару шагов вперед и тут же получила пулю в лоб. Единственный выстрел оказался очень точным. Смерть наступила мгновенно. Анна тут же упала. Убийца, судя по всему, стрелял вот отсюда, из-за шторы.

Гуров еще раз протянул руку и потрогал плотную ткань. Никакого корявого уродливого отверстия с обуглившимися краями сыщик не обнаружил. Этого и быть не могло, потому как на лбу госпожи Кристаллер имелся характерный черный ободок.

Он понюхал штору и уловил едва ощутимый запах пороха. Полковник был прав в своих предположениях. Скорее всего, картина была именно такой, какую он только что нарисовал. Убийца спрятался за шторой, резко сдвинул ее, выстрелил в Анну, после чего сразу же вышел из комнаты.

Выбраться через окно он не мог. Оно выходило во двор, и его сразу увидела бы охрана, либо засекли камеры слежения. Значит, киллер просто вышел в коридор. Из этого факта вытекает другой. Убийца присутствовал среди гостей. Скорее всего, он вернулся за стол как ни в чем не бывало.

Так!.. Гуров открыл глаза и потер лоб. Все это только предположения, причем первоначальные. Дальнейшая проверка, конечно, многое выявит. Пока что рисовалась вот такая ситуация, но уже сейчас Гуров ясно видел в ней целый ряд нестыковок.

Стрелял, судя по всему, профессионал, то есть киллер, или же человек, деятельность которого напрямую связана с оружием и умением пользоваться им. Среди гостей Анны Кристаллер, кажется, не было никого и близко похожего на подобную личность. Разве что кто-то из спортсменов?

Гуров взял себе на заметку этот момент. Нужно будет тщательно проверить всех спортсменов, выяснить, кто из них занимается стрельбой или делал это в прошлом.

Но и это не все. Главный вопрос – куда делось оружие? Логичнее всего было предположить, что киллер просто бросит его возле тела, после того как застрелит Анну. Зачем оно ему? Ведь понятно, что труп обнаружат очень быстро. Следовательно, оружие начнут искать и непременно найдут.

Он же не полный идиот, чтобы просто сунуть ствол себе в карман! Или убийца решил его спрятать, чтобы забрать потом? Опять же зачем? Пистолет же, скорее всего, найдут при обыске! Ладно, допустим, что он сунул его в какое-то очень хитрое место, рассчитывая на тугую сообразительность полиции, и хочет взять позже, когда все немного утихнет.

Но опять же зачем? Этот тип ведь может купить себе другой ствол, если понадобится! Обычно киллеры так и делают. А если он не наемный убийца, а обладатель вполне мирной профессии, то снова непонятно, для чего ему этот ствол, который уже засветился на мокром деле, да еще таком громком? Разве что...

Гуров нахмурился. Разве что он рассчитывает подбросить его кому-то, чтобы подозрение пало на другого человека. Но тогда убийца должен был заранее все четко продумать.

«А он так и сделал, – сам себе ответил Гуров. – Убийство явно спланированное. Преступник точно был в курсе насчет многих деталей, вплоть до мелочей.

Список приглашенных, распорядок банкета, расположение комнат в этом доме, перемещения людей – все это он знал. Следовательно, этот человек должен быть довольно близок Анне Кристаллер. Теперь мне, видимо, предстоит тесно познакомиться со всеми этими людьми, выяснить по максимуму все как об этих персонах, так и об отношениях с хозяйкой дома».

Гуров задумчиво смотрел на тело. Все, о чем они говорили с Марией в начале вечера, придется повторить еще не один раз, и не только с ней, но и со всеми, кто здесь был.

Полковник посмотрел на часы. Опергруппа должна была прибыть с минуты на минуту. У Гурова не было полномочий вести это дело, однако он хотел довести до конца осмотр места происшествия.

Полковник нагнулся над телом Анны, красивое лицо которой начало тускнеть. Смерть уже стала оставлять на нем свои необратимые следы. Но тело сейчас не слишком интересовало Гурова. Он знал, что эксперты отлично поработают тут и без него.

Сыщик уже поднимался, как вдруг заметил, что левая рука женщины сжата и из нее торчит какой-то предмет. Присмотревшись, Гуров понял, что это сотовый телефон. Она так и вошла с ним в комнату, не выпуская из рук. Хотя, собственно, ей и убрать-то его было некуда. При Анне не было сумочки, на ее платье, разумеется, не оказалось ни единого кармана.

На пару секунд полковник задумался. Соблазн взять телефон и посмотреть, что за сообщение получила его владелица за несколько минут до смерти, был очень велик. Гуров не сомневался в том, что оно сыграло решающую роль. Но нет. Лев Иванович слишком давно работал опером. Такие вещи были недопустимы. Все надлежит оставить так, как есть, до прибытия опергруппы и следователя.

Гуров с сожалением разогнулся и решительно отбросил мысли об осмотре мобильного. У него была другая задача. Следовало найти гильзу, и он начал спешно осматривать помещение.

Пол был чистым, практически стерильным. Прислуга перед прибытием гостей постаралась от души. Но гильзы не было ни возле тела, ни у подоконника, где ей по логике вещей и надлежало находиться.

Гуров обвел взглядом комнату. Собственно, здесь и обстановки-то почти не было. Следовательно, и количество мест, куда она могла закатиться, было ограничено. Это помещение оказалось небольшим. В нем стоял лишь мягкий диван с журнальным столиком перед ним, да на стене красовался огромный телевизор. Вполне достаточно для комнаты отдыха.

Гуров встал на колени и заглянул под диван. Несмотря на то что в комнате было светло, он все же включил фонарик своего мобильного телефона. Это не помогло обнаружить гильзу. Зато вместо нее полковник углядел под диваном какой-то плоский предмет.

Он надел тонкие перчатки, которые всегда имел при себе по старой профессиональной привычке, протянул руку и взял его. Это оказалась бутылка из-под армянского коньяка. Гурову было совершенно непонятно, как она здесь оказалась.

На доньшке плескались остатки жидкости, совсем чуть-чуть. Гуров отвинтил крышку и понюхал – пахло спиртом. Безусловно, коньяк. Но кто его здесь оставил? Неужели киллер решил хлебнуть для храбрости перед убийством?

В том, что бутылка оставлена здесь совсем недавно, сомневаться не приходилось. Уборщицы перед банкетом наверняка все здесь вычистили, просто вылизали. Гуров сунул бутылку обратно. Он знал, что ее так и так найдут при осмотре комнаты, следовательно, передадут на дактилоскопическую экспертизу, которая станет работать с отпечатками пальцев, если таковые, конечно, имеются. А Гурову очень хотелось, чтобы они здесь были.

Полковник поднялся с пола и отряхнул брюки, хотя на них и не было ни пылинки. Пресловутую гильзу и само оружие он так и не нашел, и это беспокоило его больше всего. Пусть в

данном деле он был лишь свидетелем, но прирожденный талант сыщика не давал ему равнодушно отнестись к убийству, совершенному здесь и сейчас.

Он двинулся к двери, намереваясь встретить опергруппу. Тут со двора донесся шум подъехавшего автомобиля и голоса, и полковник понял, что оперативники прибыли.

Буквально через минуту они уже были в коридоре. Гуров выглянул из комнаты. Первым, кого он увидел, был майор Карасев из следственного комитета. Он был знаком сыщику. Полковник считал его вполне достойным профессионалом и в душе был рад, что это дело поручили именно Карасеву.

Тот смерил Гурова быстрым взглядом, пожал ему руку и коротко спросил, указывая на дверь:

– Здесь?

Гуров кивнул, и майор приказал группе проходить внутрь. В комнате сразу же стало тесно. Туда прошли и оперативники, и эксперты, и следователь, долговязый мужчина с длинным унылым лицом. Гуров встречал его пару раз, но знал плохо и даже фамилию сейчас не мог вспомнить.

– Сухарев Аркадий Павлович, – сам представился тот, подавая Гурову ледяную узкую ладонь. – Мы с вами, кажется, встречались?

– Да, было дело, – подтвердил полковник.

– А вы, Лев Иванович, тоже будете работать по этому делу? – в отличие от Гурова, Сухарев прекрасно помнил его имя-отчество.

– К сожалению, нет, – ответил полковник. – Или к счастью. Я здесь, можно сказать, случайно. В качестве гостя.

Сухарев удивленно посмотрел на него из-под очков, видимо, пытаясь понять, каким ветром занесло полковника МВД в богемную среду.

– Ах, да. – Он кивнул, словно нашел ответ, и проговорил: – У вас ведь жена актриса.

Гуров не стал продолжать эту тему, вместо этого сказал:

– Кое-то из того что мне известно, могу сообщить прямо сейчас. Запишете?

Сухарев кивнул и поправил очки. Они присели прямо в коридоре, и Гуров подробно рассказал о том, что происходило в течение вечера и как был обнаружен труп. Сухарев быстро писал, опергруппа тем временем работала в комнате. Осмотр закончился довольно быстро. Майор Карасев вышел из комнаты, когда Сухарев заканчивал фиксировать показания Гурова.

– Та женщина, которая обнаружила тело, кто она? – нетерпеливо спросил Карасев.

– Не знаю. – Гуров пожал плечами. – Одна из тех, о ком я вообще ничего не знаю.

– Покажете? Она где сейчас? – быстро проговорил майор.

– Наверное, в банкетном зале вместе с остальными. Пойдемте. Если она там, я покажу.

Они двинулись к банкетному залу, дверь в который была плотно закрыта. Возле нее переминался с ноги на ногу Лев Хаимович Лейбман. Он церемонно поклонился Карасеву и посторонился. Тот походя бросил на него безразличный взгляд, на поклон не ответил, взялся за ручку двери и открыл ее.

Они вошли в зал. Гости сидели за столом с каменными лицами. Музыка была выключена, и в комнате висела тягучая, тяжелая тишина. Никто не ел, не пил и уж тем более не танцевал. Позы у всех были неестественными, зажатými, движения скованными. Кое-кто перебрасывался между собой фразами, совсем короткими, в одно-два слова. Даже Жанна Саакян притихла. От былого веселья не осталось и следа. Атмосфера из праздничной превратилась в трагическую.

При появлении майора все задвигались на стульях, бросая на него вопросительные взгляды. Кое-где пронеслись вздохи облегчения. Так бывает всегда, когда ты сидишь в постоянной неизвестности и вдруг происходит нечто, способное сдвинуть с мертвой точки это тягостное ожидание.

Карасев бегло поздоровался с присутствующими и сухим деловым тоном заявил, что с каждым из присутствующих будет проведена короткая беседа. В связи с этим майор попросил всех оставаться на месте до официального разрешения.

– Но позвольте! Уже очень поздно!

– У меня завтра утром запись!

– А у меня репетиция!

– А мне вообще к восьми утра на самолет! – послышались реплики с разных концов стола.

Карасев с совершенно непроницаемым лицом выслушал их, после чего обвел взглядом людей, сидящих за столом, и произнес:

– Господа, вы, кажется, не отдаете себе отчета в том, что произошло.

– А кстати, что, что произошло? – с надрывом спросила какая-то дама. – Никто ничего не объясняет. Нас держат в этой комнате словно под арестом. Что случилось-то?

– Случилось убийство, – проговорил майор так резко, словно выстрелил, и за столом повисла почти такая же тягучая пауза, как и до их с Гуровым появления в зале. – Поэтому, думаю, не надо объяснять, насколько необходима беседа с каждым из вас, – продолжал Карасев. – Обещаю долго никого не задерживать. Еще вот что. У каждого из вас наш эксперт снимет отпечатки пальцев. Процедура абсолютно безболезненная, все будет сделано быстро и профессионально.

Некоторые из присутствующих аж задохнулись от возмущения. Гуров подумал, что опергруппа обнаружила пустую коньячную бутылку под диваном. Эксперт нашел-таки на ней что-то пальчики.

Полковник заметил, как Жанна Саакян достала из сумочки планшетник и принялась быстро-быстро печатать на нем что-то. Гуров усмехнулся. Проворная журналистка в любой обстановке оставалась верна себе. Вот и сейчас, едва опомнившись от шока, она уже строчила репортаж, что называется, с места событий.

Гуров поискал взглядом Марию. Она сидела на своем месте, стул полковника рядом с ней был пуст. С другой стороны около Марии примостился Михаил Обручев, выглядевший совсем не так бодро и самоуверенно, как в начале вечера. Видимо, он решил держаться поближе к кому-то, кто мог считаться для него своим человеком.

Лицо у Марии было усталым, однако она не протестовала, сидела молча и лишь посмотрела в сторону Гурова. Лев Иванович ответил ей едва заметным кивком, призывая потерпеть немного. Майор Карасев уже достал авторучку, готовясь переписать присутствующих поименно.

– Всех, у кого есть документы, попрошу их предъявить, – сказал он. – Да, кто обнаружил тело?

При слове «тело» Сенин вдруг ахнул и вздрогнул. Однако его коллега Полонский пихнул Андрея в бок, и тот быстро совладал с нервами. Полонский сидел мрачнее тучи и молчал. Перед ним стояла рюмка, наполненная коньяком, из которой он периодически делал небольшие глотки.

К Карасеву подошла та самая женщина, которая своим криком возвестила о гибели хозяйки дома. С нее майор и начал опрос. За остальных взялись его помощники – два проворных, похожих друг на друга оперативника в гражданской одежде.

Гуров наконец-то смог подойти к Марии.

– Ну вот, терпеть придется тебе, а не мне. А уйди мы минут на десять раньше, всего этого не было бы. Вот что значит быть непокорной женой, – пошутил он, однако тон его был совсем невеселым.

Гурову хотелось хотя бы немного подбодрить жену.

Она слабо улыбнулась и сказала совершенно серьезно:

– Тогда ты не простил бы самого себя за то, что не послушал советов своей непокорной жены.

Обручев намеревался спросить у Гурова, сколько все это продлится и чем грозит, но Карасев в этот момент позвал его, и Михаил пошел, растерянно оглядываясь на Гурова и Марию.

Полковник лишь махнул ему рукой, а сам обратился к жене:

– Маша, а ты знаешь женщину, которая обнаружила труп?

– Лариса Гололобова, модный художник, – ответила та. – Мы с ней незнакомы.

В этот момент с улицы послышался шум автомобильного двигателя, а затем голоса охраны. Через минуту на пороге банкетного зала появился Анатолий Петрович, тот самый мужчина, который беседовал с Анной в дверях незадолго до ее смерти.

Виктория Павловна увидела его, первой метнулась к нему и тут же принялась что-то быстро шептать. Однако майор Карасев на некоторое время оставил в покое Гололобову, подрагивавшую от нервного напряжения, и переключился на него. Он быстро подошел к Анатолию Петровичу и задал ему ряд уточняющих вопросов. Майор записал данные на нового гостя, попросил его подождать более подробной беседы и вернулся к знаменитой художнице.

Анатолий Петрович наконец смог осмотреться. Он прищурился и скользил взглядом по залу так, словно кого-то искал. Виктория Павловна вновь подошла к нему и что-то шепнула. Анатолий Петрович дернулся было в сторону выхода из зала, потом перевел взгляд на Карасева и остался на своем месте.

– Он только-только заснул, не надо сейчас!.. – прошелестел голос Виктории Павловны.

Мария перехватила вопросительный взгляд сыщика и сказала:

– Это муж Анны. Точнее, бывший. А Эдик, мальчик в бейсболке, их сын.

– Вот как? Это его фамилия Кристаллер? И что, они не живут вместе?

– Это первый муж, – устало пояснила Мария. – Они давно в разводе. А Кристаллер – фамилия второго мужа. Он немец.

– То есть Анна официально замужем во второй раз?

– Нет, она вдова. Герр Кристаллер умер. Ах, Гуров, я не знаю всех этих подробностей! – с просьбой в голосе воскликнула Мария. – Наверняка найдется человек, который просветит тебя гораздо лучше, чем я. Я чувствую себя совершенно разбитой и мечтаю добраться до подушки. Да и вообще, разве ты ведешь это дело?

– Прости, профессиональная привычка, – сказал Гуров.

Карасев действовал, как и обещал, быстро и четко. Опрос каждого человека длился недолго. Эксперт снимал отпечатки пальцев, напоминая хорошо налаженный автомат. Все переносили эту не слишком приятную процедуру по-разному. Кто-то брезгливо морщился, старался поскорее вытереть пальцы платком или салфеткой. Кто-то молчал и послушно подставлял руки эксперту. Оперная дива в меховом боа чуть не завизжала, боясь, что ей сломают ноготь. После снятия отпечатков гости с перепачканными пальцами подходили к двери и отправлялись мыть руки в туалетные комнаты.

Гуров знал, что всех этих людей, во всяком случае большинство из них, допросят повторно, когда следователь проанализирует полученную информацию и начнет строить версии и искать дополнительные свидетельские показания. Понимал он и то, что следователю придется нелегко. Учитывая специфику занятий этих людей, заставить многих на месте просто не получится. А это, конечно, затянет расследование.

Дошла очередь до Марии. Она совершенно спокойно поднялась и направилась в сторону Карасева, держа спину прямо, а голову высоко.

Анатолий Петрович, который все еще стоял у дверей, не зная, куда сесть и, кажется, не желая ни с кем общаться, нерешительно посмотрел на освободившийся стул.

Он подошел к Гурову и спросил:

– Вы разрешите ненадолго присесть, пока ваша дама занята?

– Да ради бога. – Сыщик пожал плечами.

Неожиданное соседство было полковнику даже на руку. Оно давало ему возможность задать Анатолию Петровичу несколько вопросов.

– А вам, простите, кто сообщил о несчастье? – спросил он.

– Что? – Анатолий Петрович очнулся от своих мыслей. – Вика мне позвонила. Виктория Павловна, – поправился он. – Пришлось вернуться. Хорошо, что далеко уехать не успел. Меня, собственно, больше всего волновал Эдик. Это наш с Анной сын, – пояснил он. – Парень впечатлительный и очень ранимый. Но Виктория сказала, что ей удалось уложить его в постель. Вот и хорошо. – Он вздохнул и прошептал, качая головой: – Господи, какая нелепость! Я никак не могу отделаться от ощущения нереальности происходящего. Мне как будто снится дурной сон!

– Вы давно расстались с Анной? – спросил Гуров.

– Восемь лет назад. Она тогда уехала в Германию.

– А Эдик? – осторожно спросил Гуров.

– Поначалу отправился с ней. Ему тогда было четырнадцать. Но через четыре года он вернулся, сказал, что ему скучно в сытой благопристойной Германии. К тому же сын повзрослел и уже не так нуждался в матери. Мы договорились, что он станет жить со мной. К матери Эдик, конечно, ездил раза два в год. Да и она частенько бывала в России, так что нельзя сказать, что они надолго разлучились.

– Но вы сохранили с бывшей женой хорошие отношения?

– Да! – Анатолий Петрович закивал. – Мы с ней и расставались не врагами. Наши семейные отношения к тому времени себя исчерпали. Любовь прошла, но уважение осталось. А тут как раз подвернулся хороший человек, я имею в виду Германа. Анна приняла его предложение. Я и сам ей советовал так поступить. Мы с ней регулярно переписывались и перезванивались. У нас ведь общий сын. Такое связывает людей на всю жизнь. Так что к чему нам ссориться?

– Надо же, нечасто встретишь такие взаимоотношения между бывшими супругами, – заметил Гуров.

– Нормальные отношения, – заявил Анатолий Петрович и пожал плечами. – По-моему, именно так и должны поступать нормальные люди в случае развода. А что, было бы лучше, если бы между нами пылала взаимная ненависть, мы спекулировали бы сыном, настраивали бы его друг против друга? По-моему, это отвратительно!

Гуров помолчал, потом все-таки решился спросить:

– О чем вы разговаривали сегодня с Анной?

Анатолий Петрович впервые за время разговора внимательно посмотрел Гурову в лицо.

– Простите, а вы кто по профессии? – поинтересовался он в свою очередь.

Вместо ответа полковник достал служебное удостоверение, которое носил с собой постоянно, даже на неофициальные мероприятия.

– Но я здесь обычный гость, – пояснил он. – Просто в силу профессиональной привычки вас расспрашиваю. Если не хотите, можете не отвечать.

– Нет, отчего же! – Бывший супруг Анны покачал головой. – Тут скрывать нечего. Мы говорили об Эдике. В его поведении были моменты, которые беспокоили Анну. Сами знаете, двадцать лет – такой возраст!.. К тому же Эдик довольно инфантилен, его подростковые заскоки несколько затянулись. Это и я сам признаю. Поведение парня порой оставляет желать лучшего. Анна в этот приезд пообещалась с ним и сегодня советовалась со мной, как лучше поступить. Она даже хотела забрать его с собой в Германию после постановки мюзикла. Я обещал подумать. Мне нужно было завтра лететь в командировку. Теперь, конечно, останусь здесь.

Он словно вспомнил, что Анны больше нет. С ее смертью становятся бессмысленными размышления на тему переезда в Германию, да и вообще все, что было связано с ее планами.

Анатолий Петрович впал в какое-то угрюмое настроение. Он поглядывал в окно, за которым было уже совсем темно. Время близилось к полуночи.

– А чем занимается Эдик? – спросил Гуров, заметив, что Мария уже освободилась и направилась мыть руки.

– Он поет. – Анатолий Петрович несколько оживился. – Записал два альбома, иногда ездит с гастролями по городам.

– Даже так? Талантливый парень?

Анатолий Петрович неопределенно покрутил рукой и ответил:

– Способный, я бы сказал. Но ленивый. Ведь чтобы развить талант, каким бы он ни был, нужно много заниматься. А Эдик этого не делает. Вот он и застрял на своем уровне. Ладно, это сейчас неважно!

К ним направлялась Мария, на ходу вытирая влажные руки салфеткой. До конца отмыть черную краску ей так и не удалось, да она и не пыталась это сделать. Гуров понял, что его жена и впрямь смертельно устала, и поднялся.

Анатолий Петрович тут же освободил ее стул, извинился и отошел в сторону. Гуров взял Марию под локоть и повел к двери, намереваясь отправиться домой. Отпечатки его собственных пальцев, разумеется, хранились в картотеке МВД. Да и вообще следователь и оперативники гораздо быстрее могли найти его, чем кого-либо иного из тех людей, которые сейчас здесь присутствовали.

Однако майор Карасев быстро перепоручил очередного опрашиваемого одному из своих подчиненных, догнал его возле двери и проговорил:

– Одну минуту, Лев Иванович! Мне бы хотелось кое-что уточнить.

– Маша, спускайся и жди меня в машине. – Гуров протянул супруге ключи от своего автомобиля, она молча взяла их и пошла к выходу.

– Вот какое дело, – начал Карасев. – Вы ведь были в комнате, где ее убили, верно?

В ответ Гуров лишь молча кивнул.

– Понимаете, мы так и не нашли оружие, – поделился с ним Карасев. – Да и гильзу тоже. А это значит, что они либо здесь, либо их кто-то увез. Кто-нибудь покидал дом за это время?

– Нет, – твердо ответил Гуров. – Уезжал только некий Анатолий Петрович, бывший супруг Анны Кристаллер, но это было еще до убийства. А вернулся он только сейчас.

– Это точно? – живо уточнил Карасев.

– Абсолютно, – кивнул Гуров.

– Где же он может быть?.. – пробормотал Карасев, явно имея в виду пистолет. – По хорошему, надо бы всех обыскать, а у меня постановления нет. Я был вызван сюда спешно, по телефону. А попробуй обыщи их без постановления – такой хай поднимут! Особенно эти фифы. – Он покосился в сторону гламурных особ разного возраста.

Гуров не зря отметил, что Карасев был хорошим профессионалом в своем деле. Он не только умел собирать улики и показания. Майор был хорош тем, что не гнушался прислушиваться к советам опытных людей. Именно к таковым он относил Гурова, с которым сейчас делился и ждал от него поддержки.

Карасев не вставал в позу, не кричал с явным вызовом: «Это мое дело, и я его веду». Он вообще не совершал ошибок, свойственных людям амбициозным, претензии которых зачастую построены на комплексах и неуверенности в себе. Карасев ждал от Гурова чего-то дельного, что могло бы ему помочь. Полковник не мог этого не оценить.

– Я все же не думаю, что убийца станет держать пистолет в кармане, – сказал Гуров и покачал головой. – Он же не знает, есть у вас постановление или нет. Этот человек очень тщательно спланировал все свои действия. На такой неоправданный риск он не пойдет. Искать нужно в доме. В сложившихся обстоятельствах вы можете делать это и без постановления. Хозяйки-то нет в живых! А если уж так надо, то подобное постановление вы сможете получить

хоть в два часа ночи. Убийство известной особы в разгар банкета!.. Понятное дело, что дом нужно осматривать.

Карасев внимательно слушал его, чуть сдвинув брови.

– Да, вы, пожалуй, правы, – сказал он.

– И вот еще что. Вы сотовый телефон Анны проверяли?

– Пока нет. Я его к делу приобщил, а что?

– Проверьте самым тщательным образом.

Гуров рассказал о том, как Анна при прощании с бывшим мужем получила некое сообщение, которое буквально выбило ее из колеи. Через несколько минут она была застрелена в комнате отдыха. Там ее уже поджидал киллер.

Это известие Карасев выслушал очень внимательно, потом кивнул и заявил:

– Это действительно важно. – Он протянул Гурову руку и добавил: – Спасибо!

– Одна маленькая просьба. – Полковник тронул его за рукав. – Если найдете оружие, не считите за труд, позвоните мне.

– Даже в пять утра? – спросил майор и улыбнулся.

– Даже в четыре. – Гуров ответил ему улыбкой и направился к выходу.

– Клаус! – Голос в телефонной трубке дрожал, словно говорившего человека бил крупный озноб. – Это ты?

– Да, слушаю, – лениво ответил Клаус.

Он только что принял дозу отличнейшего препарата, который получил на прошлой неделе. Это была новейшая штучка. Клаус не мог не отметить, что она по ощущениям превосходила все, что он пробовал до сих пор.

Он был опытным наркодилером и перепробовал практически все кроме, разумеется, синтетической тяжелой дряни, от которой через год умирают мозг и тело. Клаус хорошо разбирался в подобных вещах, являлся своего рода корифеем во всех вопросах, касавшихся любых типов наркотиков.

Героин, кокаин, морфий, ЛСД – такое дерьмо он не употреблял. Клаус любил себя и знал, что лучше всего добрый старый гашиш. Его-то он и покуривал тихо-мирно, раскачиваясь в своем любимом кресле-качалке.

Но новый препарат тоже был просто изумителен. Конечно, злоупотреблять не стоит, но разок-другой в месяц можно себе позволить. Штучка хоть и дорогая, но прикольная. А в остальное время – любимая травка. Отлично, кстати, нервы успокаивает.

– Клаус, тут такое дело... – Человек, позвонивший ему, запнулся. – Короче, если к тебе придут, то мы с тобой не знакомы, ладно?

– Кто придет? – протянул Клаус, прикрыв глаза.

Он жалел, что снял трубку. Собеседник явно собирался чем-то его загрузить, а у Клауса не было никакого желания напрягаться.

– Не знаю, скорее всего, никто не придет, – торопливо начал пояснять этот тип. – Просто так, на всякий случай предупреждаю!

– Что за дела? – Клаус слегка насторожился.

– Да тут, понимаешь, насчет порошка. Короче, нашли его.

– Мой порошок? – С Клауса мгновенно слетела сонная одурь.

Он резко выпрямился в кресле, в котором возлежал, и сел, словно внезапно проглотил оглоблю. – У кого нашли? У тебя?

– Нет-нет, не у меня, вообще у левого человека, но дело в том, что!.. Черт, я не могу по телефону объяснять.

– Ты что там гонишь? – Голос Клауса зазвучал зло. – Куда ты влетел?

– Тут у нас убийство.

– Что? – Клаус аж подскочил. – И мой порошок?

– Нет-нет! – занервничал собеседник. – Все совсем не так! О тебе вообще ни слова даже не было и не будет, я тебе клянусь! Я приеду и все объясню. Я сейчас в России.

– В России? – Клаус то ли удивился, то ли обрадовался. – А я при чем?

– Ты ни при чем, разумеется, – тут же согласно закудахтал собеседник. – Я тебе и говорю: если что – ты меня не знаешь, и я тебя не знаю!

Клаус некоторое время размышлял. Мозг, настроенный совершенно на другую волну, вначале работал плохо, но потом все же справился со своей задачей.

– Значит, так! – жестко сказал он в трубку. – Твои проблемы меня не касаются, ясно? Если ко мне придут по твою душу, я первый скажу, что знать тебя не знаю! У меня бизнес налаженный, клиентура постоянная, и налоги я с доходов плачу честно! Мне неприятности из-за тебя не нужны. Мне больше не звони и не приходи сюда! Все! – Клаус с силой нажал кнопку на стареньком, но надежном «Сименсе».

Потом он некоторое время смотрел на экран, вошел в меню и удалил номер человека, звонившего ему. После чего Клаус отключил звук в телефоне, бросил его на столик, надел наушники и прикрыл глаза. Он блаженно откинулся в кресле и принялся мерно раскачиваться под любимым соул.

Его недавний собеседник горестно вздохнул, глядя на погасший экран, потом воздел руки к потолку и проговорил:

– О, мама миа! Святая Дева, помоги мне!

Он походил из угла в угол, никак не находя себе места, и выглянул в окно. Перед его глазами расстилалась Москва, шли люди, бежали машины. Все это ему нравилось, но теперь, похоже, с этим придется расстаться, причем навсегда. Как бы ни было жаль, но возвращаться сюда, наверное, не стоит. На всякий случай.

Как всякий трус, он готов был пожертвовать чем угодно, поступиться любыми чувствами, даже тем, что и кого любил, лишь бы избавиться от опасности и этого липкого, вгоняющего в дрожь страха. Данный субъект вдруг подумал, что бежать надо немедленно. То ли динамика мостовых на него подействовала, то ли ощущение, что со всем этим он прощается навсегда, только он вдруг решил.

Какая разница, что о нем подумают? Он свободный человек и имеет право поступать так, как считает нужным. К тому же в сложившихся обстоятельствах это самое разумное. Полагаться следует всегда на разум, какими бы приятными и волнующими ни были чувства.

Он подошел к шкафу, достал ярко-красный чемодан, открыл его и стал быстро собирать и складывать в него вещи. Потом этот человек опомнился, подошел к телефону, набрал номер аэропорта и уточнил расписание. Он постоял, подумал.

Все складывалось на редкость удачно. Следующий рейс будет через полтора часа. Он как раз успеет доехать и купить билет. Документы все у него в порядке, так что никаких осложнений быть не должно.

Всего через каких-то три часа он будет далеко отсюда. Все проблемы останутся черт знает где. Они ведь здесь, а не там. У него все пройдет хорошо и спокойно. Он вообще не должен знать никаких бед. Разве они его касаются? Кто он такой и почему должен страдать из-за того, что не имеет к нему никакого отношения? Пусть переживают другие!

Он решительно вернулся к сборам, подбадривая себя мыслью о том, что завтра даже и не вспомнит про все ужасы, через которые пришлось пройти. Все это будет казаться ему совсем далеким, чужим и выдуманым.

– Это все чужое, не мое, – как заклинание повторял он, подхватывая чемодан и перекидывая через плечо ремень спортивной сумки.

Приятным для Гурова моментом во всем случившемся было, пожалуй, лишь то, что следующее утро было субботним, и поэтому ему не нужно было идти на службу. У Марии, правда, был спектакль, но это вечером, так что никто никуда не спешил. Учитывая все обстоятельства вчерашнего вечера, Гуров решил поспать хотя бы часов до десяти.

Однако его планы нарушил звонок сотового телефона. Сыщик недовольно поморщился – часы показывали всего-то восемь пятнадцать! – поспешно слез с дивана и направился в кухню, чтобы не мешать Марии спокойно восстанавливаться после вчерашней нервотрепки.

Звонил Орлов. Гуров понял это по номеру, высветившемуся на дисплее мобильного.

Отвечая генерал-лейтенанту, он постарался придать своему голосу обычные нотки:

– Приветствую, Петр! Что беспокоишь в такую рань? У самого старческая бессонница, поэтому и меня решил разбудить, чтоб не обидно было?

– Привет, Лева, – спокойно ответил Орлов. – Думаю, ты и сам догадываешься, чего я тебя беспокою.

Гуров подавил вздох. Все понятно, речь идет об убийстве Анны Кристаллер, чтоб ему никогда не совершаться! Орлов, разумеется, уже в курсе. Доложили, несмотря на выходной.

– Ты не напрягайся, Лева, я еще ночью все знал, – сказал Орлов. – Из министерства позвонили. Я просто не хотел тебя раньше времени тревожить.

– Спасибо. – Гуров усмехнулся и подумал, что он тоже не хотел беспокоить Орлова среди ночи.

Выходит, они позаботились друг о друге, вот только совершенно напрасно.

– И что? Я тебе нужен в качестве очевидца?

– Ты, Лева, приезжай в главк, я тебе все на месте объясню, – сказал Орлов.

Гуров не стал спорить и пошел собираться. Он оставил Марии короткую записку «Уехал в главк» и направился к лифту.

Вскоре сыщик прибыл в главное управление и сразу же прошел в кабинет генерал-лейтенанта. Он ожидал увидеть его в одиночестве, однако Орлов сидел в компании майора Карасева. Секретарша Верочка угощала их каким-то травяным чаем, аромат которого ощущался даже в приемной.

Орлов сразу приступил к делу. Разводить церемонии и дружеские беседы при Карасеве он явно считал излишним.

– Так вот, Лев Иванович, поступило распоряжение из министерства поручить расследование убийства госпожи Анны Кристаллер вам, – сухим официальным тоном сообщил генерал-лейтенант. – Майор Карасев знакомит вас со всеми материалами, которые ему удалось раздобыть за это время. Вы с ним пообщайтесь, поделитесь соображениями и принимайте дело. Все, можете идти. – Орлов больше ничего не стал комментировать.

Гуров поднялся и направился к двери. Он пропустил майора вперед и вышел из кабинета вслед за ним.

– Лев Иванович! – окликнул его Орлов.

Гуров обернулся.

– Когда закончите, зайти ко мне, – тихо сказал генерал-лейтенант, и сыщик молча кивнул на ходу.

Карасев держался хорошо и спокойно, хотя в глубине его души, наверное, сидела обида. Именно он начал это дело, причем хорошо. Теперь его передают Гурову только потому, что тот давным-давно успел получить звание полковника, а Карасев пока что довольствовался майорским.

Гуров отлично понимал его чувства. При этом сыщика радовало то, что Карасев, несмотря на обиду, вел себя достойно, не злился и не вынашивал мстительные планы из разряда «Погодите, вы у меня еще узнаете, с кем связались!». Ничего подобного в тоне майора не было. Обычный рабочий, деловой настрой.

Они прошли в кабинет, который Гуров делил со своим коллегой и ближайшим другом Станиславом Крячко, и уселись. Карасев тут же начал последовательно излагать факты, установленные за прошедшую ночь.

Первым из них был тот, что люди Карасева так и не нашли оружие, хотя осмотрели буквально каждый сантиметр и проверили все помещения на наличие тайников. Гильза также обнаружена не была. Однако пулю они уже извлекли из тела Анны и передали на экспертизу.

– Результатов пока нет, так же как и по отпечаткам пальцев на бутылке из-под коньяка, – сообщил Карасев. – По предварительным данным очень сложно выстроить версию, хотя бы мало-мальски похожую на верную. Если же оттолкнуться от всего, что мы выяснили, и углубиться в анализ, то бишь в выявление мотивов, то первыми на ум, конечно же, приходят конкуренты.

– Речь о постановке мюзикла? – спросил Гуров.

– О гранте, выделенном на это, – уточнил Карасев.

– А что, есть еще претенденты? Я думал, что вопрос с поручением этого проекта Анне Кристаллер был решен окончательно.

Карасев слегка замялся.

– Так-то оно так, – не слишком уверенно сказал он. – Но все же оставалась какая-то лазейка. Немцы должны были посмотреть пробный показ. Вот если бы он их устроил, то вопрос можно было бы считать решенным окончательно и бесповоротно.

– Это вам откуда известно?

– Рассказал продюсер Лейбман. Да и другие артисты упоминали. Но вы сами понимаете, что это за публика! Привыкли к игре, интригам, вот и сейчас темнят, юлят, говорят много, а по сути почти ничего. Замучился с ними. Не люблю с богемной тусовкой работать, уж лучше с бандитами, честное слово! Там хотя бы методы ясны, а этих попробуй тронь – на всю Москву раструбят, что в полиции к ним применили насильственные действия!

– Так вам надо радоваться, что вы избавились от столь неприятного дела, – пошутил Гуров и попытался улыбнуться.

– Да я особо привередничать не привык, – суховато ответил Карасев. – Что поручают, то и веду.

– А следователь остался прежним? – спросил Гуров.

– Да, Сухарев. Вы с ним пообщаетесь?

– Непременно, но сначала все же продолжим с вами.

– Хорошо. Значит, самый яркий и пока не слишком объяснимый факт выглядит так. У одной гостьи в сумочке был обнаружен наркотик. Интересно и то, что точно такая же гадость найдена в спальне Анны Кристаллер.

Гуров присвистнул и заявил:

– Ничего себе! Баловалась, значит, Аннушка наркотой, да?

– Все ее близкие начисто опровергают эти данные, – заявил Карасев. – Утверждают, что ни о каких наркотиках слыхом не слыхивали. Но я и не ожидал, что они начнут кричать, будто покойница была наркоманкой.

– Ладно, с этим я сам разберусь, – задумчиво сказал Гуров. – А у кого нашли наркотик?

– У некоей Ольги Летицкой. Все называют ее Лелей. Эта совсем молодая певичка должна была исполнять в мюзикле одну из ведущих партий. Она из филармонии.

– Как Летицкая это объясняет?

– Орет дурным голосом, что это не ее, что она впервые это видит, ей это подбросили. – Карасев усмехнулся. – Признаюсь, что за годы службы я ничего другого и не слышал от персон, задержанных с наркотой. Такое впечатление, что они в школе зазубрили на уроке: «Не мое, мне подбросили!»

Гуров побарабанил пальцами по крышке стола, потом спросил:

– Где она сейчас? Отпустили?

– Ну уж нет, – решительно возразил Карасев. – Не стал я ее отпускать, несмотря на посыпавшиеся со всех сторон поручительства и заверения в том, что это недоразумение. Закрыв барышню до выяснения. Она сейчас в КПЗ сидит. Ничего, меньше гонору будет, – неожиданно со злостью добавил он.

Гуров подумал, что певица Ольга Летицкая, по всей видимости, вела себя слишком вызывающе. Она сумела довести Карасева, обычно невозмутимого, до такого возбужденного состояния.

– Я все по закону сделал, – добавил майор, дабы Гуров не заподозрил предвзятости и превышения должностных полномочий.

– Давно сидит?

– С пяти утра, – буркнул Карасев. – Мы как раз в это время осмотр закончили и все вместе поехали.

– Понятно, спасибо, – сказал Гуров. – А что с мобильником Анны? Вы просмотрели его?

– Да, – оживился Карасев. – За несколько минут до смерти ей действительно пришло СМС-сообщение. И очень любопытное! Вот, сейчас я вам зачитаю.

Он полез в бумаги, лежавшие на столе, нашел нужную и хотел прочесть, но Гуров взял у него листок и сам посмотрел.

«Уважаемая Анна, мне жаль видеть, как столь достойную женщину вводит в заблуждение близкий человек. Это не мое дело, но молчать мне не дает совесть. Одним словом, ваш друг вас обманывает с Лелей Летицкой. Если хотите в этом убедиться, загляните в комнату для гостей».

Вот так. Послание было без подписи. Гуров внимательно прочел его несколько раз, запоминая и анализируя мелкие детали.

Во-первых, это сообщение написано было грамотно, без единой ошибки. Во-вторых, общий стиль письма свидетельствовал о том, что трудился над ним некто образованный и вполне интеллигентный. В-третьих...

В-третьих было самым интересным. Аноним намекал на то, что любовники сейчас в комнате для гостей. Следовательно, ему было об этом известно. Это, в свою очередь, говорило о том, что он был участником банкета.

Наверное, ход мыслей Гурова отразился у него на лице, потому что майор Карасев сказал:

– Скорее всего, это липа чистой воды. Если Анну Кристаллер хотели просто заманить туда, то не требовалось сообщать ей правдивые сведения. Достаточно было закинуть удочку, и она тут же попалась. В комнате могло никого не быть, только киллер.

– Тогда сообщение должен был отправить именно он. Вы проверяли номер, с которого оно пришло?

– Разумеется. Как и предполагалось, он нигде не зафиксирован. Скорее всего, тот человек, который отправил СМС, просто выбросил сим-карту.

– Вы говорили с Летицкой об этом?

– Да, она фыркнула и заявила, что все это чушь собачья.

– Друг Анны – кто имеется в виду? Выяснили?

– Его имя в сообщении не указано. Предъявлять претензии кому бы то ни было сложно, – уклончиво ответил Карасев. – Однако всем известно, что последнее время Анна открыто жила с неким Антонио Тедески, итальянцем по происхождению.

– Ага, теперь понятно. – Гуров кивнул, вспомнив томного иностранца с длинной черной гривой.

«Незадолго до трагедии, произошедшей с Анной, он покинул банкетный зал в обнимку с молодой дамой. Уж не она ли и есть Ольга Летицкая? Надо бы встретиться с ней поскорее. Пожалуй, на данный момент это задача номер один», – подумал полковник, внимательно поглядел на покрасневшие, воспаленные глаза Карасева и произнес:

– Вы, майор, работали всю ночь, так что отправляйтесь сейчас отдыхать. Вы заслужили спокойный сон.

Карасева не нужно было уговаривать, он поднялся и на прощание сказал:

– Если что-то понадобится, я всегда готов помочь.

Гуров кивнул в знак благодарности и углубился в материалы дела, оставленные майором на столе. За их изучением он провел около часа, старательно укладывая в голове все факты и пытаясь воссоздать хронологическую картину. Тут полковнику очень на руку оказалось то, что он сам присутствовал на банкете, знал хотя бы шапочно многих гостей и мог следить за их перемещениями во время вечеринки.

Гуров прикрыл глаза, напрягая память и восстанавливая в ней события, предшествовавшие гибели Анны Кристаллер. Мельчайшие подробности полковник, разумеется, забыл, однако главное вспомнить смог. Он знал, кто на момент ухода Анны из зала оставался в нем, а кто отсутствовал.

Гуров посидел еще немного, поднялся и направился в кабинет генерал-лейтенанта Орлова. По дороге он подумал, что пора, наверное, позвонить Станиславу Крячко и подключить его к делу. Намечалась работа, причем довольно плотная и напряженная. Гурову очень нужен был помощник, причем немедленно. Сейчас надо было вместе с Орловым, вдвоем обсудить сложившееся положение вещей, чтобы не пересказывать потом одно и то же.

Гуров достал мобильник и набрал номер Крячко, однако тот сбросил его звонок. Станислав наверняка демонстрировал, что у него сегодня вполне заслуженный выходной. Лев Иванович досадливо поморщился и пошел к лестнице.

В кабинете Орлова его ожидал приятный сюрприз. Вместе с генерал-лейтенантом, бесцеремонно развалившись в кресле и прихлебывая чай из огромной кружки, восседал Станислав Крячко собственной персоной.

Он смерил Гурова победным взглядом, подмигнул ему и с ехидцей сказал:

– Ну что, Лева, не слушаем старых друзей? Предупреждал я тебя, что богемная жизнь до добра не доведет! Что ж, теперь нам предстоит расхлебывать это дерьмо!

– Можно подумать, что если бы меня там не было, то убийства не случилось бы! – парировал Гуров, проходя в кабинет и усаживаясь на свободный стул.

– Э, не скажи, Лева! – Крячко поднял палец. – Убийство-то, может быть, и случилось бы, но не факт, что расследовать в таком случае поручили бы тебе. Вот скажи, почему нас с тобой дернули на службу в законные выходные? Потому что сам полковник Лев Гуров присутствовал при совершении этого ужасного преступления!

– Ну, положим, при его совершении я не присутствовал...

– И очень жаль! – перебил его Крячко.

– А на телефонные звонки непосредственного начальства нужно все-таки отвечать! – строго добавил Гуров.

– Зачем? Я же знал, что ты сюда идешь! Ради чего ты будешь лишние деньги тратить? – искренне удивился Крячко.

– Ну спасибо, заботливый ты мой, – притворно ласково проговорил Гуров.

– Так, хватит уже болтать. – Орлов махнул рукой. – О деле пора поговорить. Работы по горло, а у нас еще конь не валялся!

– Давайте работать. – Крячко энергично потер ладони. – Тем более что самые опытные сыщики Москвы в сборе. Лев Иваныч, конечно, лучший из лучших, но и мы с тобой, Петр...

– Хватит! – Орлов пристукнул кулаком по столу. – Стас, я тебя по-хорошему прошу, уймись ты наконец! Убийство громкое, меня среди ночи с постели подняли, а ты все ревишься. Кстати, ты прав. Льва назначили расследовать это дело во многом именно потому, что он считается одним из лучших сыщиков Москвы. Его присутствие на банкете – лишь дополнительный штрих к решению министерства. Между прочим, хочу заметить, что все шишки в

очередной раз посыплются на мою больную голову, а не на твою здоровую! – Он покосился на Крячко.

Станислав приложил руки к груди и весь обратился во внимание. Сейчас был выход Гурова. Лев Иванович принялся вводить своего друга и подчиненного в курс дела.

Под конец, пресекая вопросы Орлова, он резюмировал:

– Петр, о версиях не спрашивай, их сейчас просто нет. Пока что я лишь наметил пути расследования. Они заключаются в повторном опросе свидетелей, в первую очередь тех, кто отсутствовал в зале в тот момент, когда была убита Анна Кристаллер. Я напряг память и записал имена тех, кого не было. Вот, список у меня. – Полковник вслух зачитал: – Ольга Летицкая и Антонио Тедески, Лев Хаимович Лейбман, Виктория Павловна Рудакова, Федор Полонский и, возможно, Андрей Сенин. Этого наверняка не помню. Потом еще некий простуженный сериальный актер Василий Юрьевич Завадский, который выходил в ванную прокашляться. Его, кстати, вчера отпустили одним из первых, войдя в положение больного, и допросили, как мне кажется, наспех. А ведь он по дороге в ванную мог что-то видеть. Нам сейчас позарез нужны свидетели! Ведь киллер весь вечер наверняка находился среди гостей.

– Почему ты в этом так уверен? – спросил Орлов.

– Потому что все приходили по приглашительным билетам и так или иначе были знакомы друг с другом, – пояснил Гуров. – Ни одного постороннего лица на банкете не появилось, иначе на него непременно обратили бы внимание.

– А проникнуть тайком он не мог?

– Насколько я знаю, в доме лишь парадный вход. У ворот дежурила охрана, во дворе установлена камера. Посторонний человек был бы замечен. Но я еще раз провентилирую этот вопрос, – пообещал он. – На данный момент нужна серьезная беседа с Летицкой, потом с Тедески. Кроме них важны Лейбман и Виктория Павловна. Эти люди были очень близки Анне. Да, есть еще ее сын Эдик. Он, кстати, тоже отлучался в коридор, но это было, кажется, еще до убийства. Задолго, не меньше чем за полчаса.

– К тому же сын вряд ли стал бы убивать родную мать, – проворчал Орлов.

– Не буду утверждать на сто процентов, но в общем склонен согласиться, – кивнул Гуров. – Остальные, типа Сенина и Полонского, не к спеху, их можно оставить на потом. Проверка спортсменов – кто имеет отношение к убийству. Еще нам придется тщательнейшим образом разобраться в схеме заказа на мюзикл, выяснить технические вопросы по финансированию и выявить всех людей, заинтересованных в получении этого проекта, помимо Анны. Вот такая предварительная программа. Выполнив ее, можно будет строить какие-то версии, а пока у меня, честно говоря, голова пухнет от неразберихи.

– У меня тоже, – признался Крячко. – Так что я как лицо подчиненное предпочту не думать, а тупо выполнять указания начальства. Ты мне, Лева, четко обрисуй задачу, и я отправлюсь ее решать.

– Значит, так. Для начала переговоры с Завадским...

– Так он же болен! – тут же сказал Крячко. – Как его вызывать?

– А ты не вызывай, не ленись и наведайся к нему лично. Все адреса у меня записаны. – Лев Иванович порылся в материалах. – Вот, проспект Вернадского...

– Ого! Да это ж у черта на рогах! – снова закапризничал Крячко.

– Не преувеличивай, – невозмутимо отозвался Гуров. – Заодно проветришься и познакомишься с настоящей звездой. Запасайся полезными знакомствами. Сразу после беседы с ним езжай к Тедески. Он, кстати, крутился подле Летицкой. Я сейчас с ней поговорю и поспрашиваю о нем. В случае несовпадения показаний устроим им очную ставку. Только держи ухо востро. Не забывай, что в роковом СМС-сообщении речь шла, скорее всего, о нем. Во всяком случае, намек очень красноречивый.

– Кого вы учите! – буркнул Крячко. – Можно идти?

– Нужно, Стас, – с озабоченным видом листая документы, сказал Гуров.

Крячко поднялся, небрежно отряхнул крошки с брюк и направился к двери. Орлов бросил на полковника взгляды, полные беспокойства, и тихонько вздыхал.

– Погоди умирать, – бросил ему Гуров. – Не самое мертвое дело, здесь есть над чем работать. Бывало куда хуже.

– Я на тебя надеюсь, Лева, – напутствовал его Орлов. – Я весь день буду на месте, докладывая при малейшей необходимости.

– Надеюсь, она не возникнет. – Гуров встал и отправился в свой кабинет.

По дороге он набрал номер эксперта и поинтересовался, как продвигается работа над отпечатками пальцев на бутылке из-под коньяка.

– Проверяем, – коротко отозвался тот.

– И что, вообще никаких результатов?

– Почему? Отпечатки есть, и довольно неплохие. Над ними я сейчас и работаю, – невозмутимо ответил эксперт. – Вы представляете, сколько там было людей? Попробуйте сверить такую массу отпечатков с теми, которые оставлены кем-то на бутылке! А я ради интереса засеку, сколько у вас уйдет на это времени.

– Я все понимаю, но хотелось бы все же побыстрее, – просительно сказал Гуров.

– А вам всегда только этого и хочется, – отрезал эксперт и отключил связь.

Глава 3

Станислав Крячко решил проигнорировать указание Гурова насчет того, что в первую очередь следует пообщаться с Василием Завадским.

«Что может знать этот древний старикан? – рассуждал он, шагая к своей машине. – У него от насморка поди глаза слезились! Подождет, не велика птица».

Крячко намеревался первым делом навестить дом Анны Кристаллер, где должен был проживать Антонио Тедески. Воображение Крячко уже нарисовало в голове образ мелкого пижона, альфонса, к тому же итальяшки, словом, тот самый типаж, который Крячко на дух не переносил. Посему ему подспудно хотелось разобраться с ним как можно скорее.

В отличие от Гурова в голове у Крячко уже сложилась некая версия убийства. Главным фигурантом в ней был именно Антонио Тедески. Возможно, к преступлению причастна и его вертливостка Ольга Летицкая.

То, что их видели вместе, – это факт, его не злодей в анонимке придумал. Значит, мотивы для убийства Анны были у обоих. Надо только грамотно их расколоть. Начать с Тедески, а потом и эту певичку-наркоманку взять за жабры. И не миндальничать, как привык Гуров.

Крячко порой раздражала манера Льва Ивановича брать показания. Она казалась ему излишне интеллигентной. Иногда нужно действовать жестко, только правильно выбрать момент. Станислав Крячко по натуре был человеком довольно мягким, но нередко предпочитал совершать твердые поступки. Сейчас он принял решение и вел машину по Волоколамке в сторону МКАД.

Дом Анны Кристаллер находился в самом начале поселка. Типичный современный особняк, принадлежащий людям явно небедным. Дом, выложенный из аккуратных красных кирпичиков, был обнесен металлическим забором с изящными колышками наверху.

Двор перед домом квадратный, весьма обширный. Его большую часть занимали дорожки, выложенные плитками, и цветочные клумбы. Все было очень чисто и ухожено, практически в идеальном порядке. Видимо, не зря Анна Кристаллер много лет жила в Германии. Она и здесь устроилась с немецкой педантичностью.

Возле ворот стоял охранник. Крячко остановил машину, не вылезая из нее, показал удостоверение.

После чего он крикнул охраннику:

– Ворота открой!

Тот повиновался. Крячко пошел к дому и заметил, что этот парень достал рацию. Сейчас он наверняка докладывал кому-то о прибытии постороннего человека, представившегося полковником МВД.

Крячко, ничуть не смущаясь этим, невозмутимо, как-то вразвалочку прошествовал к двери и надавил на кнопку домофона. Ему довольно долго не открывали. Он повернулся к охраннику, намереваясь спросить, есть ли вообще кто дома.

Но тут усталый женский голос произнес:

– Да!

– Главное управление внутренних дел, полковник Крячко, – скороговоркой произнес Станислав.

Женщина ничего больше не спросила и сразу же открыла дверь. Крячко окинул ее быстрым оценивающим взглядом и решил, что это и есть Виктория Павловна Рудакова. Она тут же представилась, и Стас убедился в том, что был прав в своих предположениях.

– У меня есть несколько вопросов. Вы разрешите войти? – спросил Крячко.

Виктория Павловна закивала и тут же посторонилась. Станислав прошел в громадный холл, настолько чистый и вылизанный, что незванный гость принялся разуваться, хотя обычно

не утруждал себя подобными вещами, приходя к кому-то по служебным делам. Однако Виктория Павловна остановила его и провела в гостиную, где стояли два больших кресла. Сама она сесть не спешила, стояла перед Крячко, не зная, куда деть руки, и теребила белый фартук, повязанный поверх платья.

– У вас ко мне вопросы? – спросила женщина. – Я вчера уже разговаривала с полицией.

– Знаю, но дело такое!.. – Крячко неопределенно повертел рукой в воздухе. – Одним словом, дело очень серьезное, Виктория Павловна. Поэтому вас, возможно, побеспокоят еще не один раз. Но сейчас у меня вопросы не к вам, а... – Он не успел договорить.

Со двора донесся шум подъехавшего автомобиля, а затем раздался громкий, даже пронзительный женский голос:

– Вика дома?

Ответ охранника прозвучал на несколько тонов ниже. Крячко не разобрал, что тот сказал.

Зато женщина отчетливо проговорила:

– Вот и отлично. Вы что? Я же подруга!

Затем послышался звонок в домофон. Виктория Павловна извинилась и пошла открывать. Незнакомый голос тут же зазвенел уже в холле. Он постепенно и неуклонно приближался к гостиной, в которой сидел Крячко.

– Полиция? Здесь? Так это же отлично! Я как раз собиралась задать им несколько вопросов!

Дверь с шумом открылась, и на пороге появилось создание женского пола, которое показало Станиславу Крячко стихийным бедствием. Дамочка буквально влетела в гостиную, зыркнула по сторонам черными глазами, заметила Крячко, подскочила к нему и без особого напряжения пододвинула поближе второе кресло, хотя оно было весьма массивным. В одной руке у женщины откуда ни возьмись появился микрофон, а в другой – фотоаппарат.

– Добрый день, – протараторила она. – Уделите мне, пожалуйста, несколько минут. Я хочу задать вам пару-тройку вопросов.

Крячко молча смотрел на женщину тяжелым взглядом.

Если она и смутилась, то лишь на миг, и тут же продолжила:

– Я не представилась, простите. Жанна Саакян, специальный корреспондент газеты «Звезды наизнанку». Скажите, какая версия считается у полиции основной на данном этапе расследования? – Журналистка резко сунула микрофон под нос Крячко и чуть не задела его щеку длинным ногтем, покрытым иссиня-черным лаком.

Тут она здорово промахнулась. Мало того что Станислав терпеть не мог журналистов. Он столь же негативно относился к этакой вот фамильярной манере общения. А уж женщин, подобных Жанне, Крячко просто на дух не переносил.

Стас шумно вздохнул и произнес раздельно, едва ли не по слогам:

– Вообще-то, это у меня есть несколько вопросов к членам этого дома. Полагаю, вы к ним не относитесь, не так ли?

Жанна застыла. Она никак не ожидала чего-то подобного.

Потом журналистка быстро совладала с собой, тряхнула чернющими лохмами и сказала с достоинством в голосе:

– Я подруга Анны Кристаллер. Одна из самых близких, – подчеркнула она, покосившись на Викторию, стоявшую у дверей. – Поэтому я, конечно же, имею право знать, что случилось с моей подругой, и присутствовать при всех беседах, касающихся ее трагической гибели!

Крячко уже набрал в легкие побольше воздуха, чтобы четко и конкретно объяснить назойливой журналистке ее реальные права, но тут в разговор неожиданно вмешалась Виктория Павловна.

– Врешь ты, – спокойно и негромко произнесла она от двери.

От неожиданности Жанна раскрыла рот и повернулась к Виктории.

– Ты никогда не была ее подругой, – мрачно глядя на женщину, продолжала Виктория Павловна. – Она тебя не любила и приглашать не хотела. Ты всегда сама навязывалась, а ей не хватало духу поставить тебя на место. По правде говоря, лучше бы тебе уйти, Жанна.

Журналистка округлившимися глазами смотрела на Викторию. Она словно не верила, что эта женщина, обычно бессловесная и тихая, сейчас говорит ей такое в лицо.

– Для чего ты вообще сюда пришла? – повысила голос Рудакова. – Нашла время для собирания сплетен!

– Вика, о чем ты говоришь? Ты называешь сплетнями чистую правду, которую я преподаю своим читателям? – спросила Жанна с искренним возмущением.

Виктория Павловна не успела ответить, потому что ей пришлось посторониться. В комнату не слишком твердой походкой вошел молодой светловолосый парень. Его вполне симпатичное лицо было осунувшимся, под глазами залегли глубокие тени, не свойственные юности.

– Эдик, зачем ты встал? – встрепенулась Виктория Павловна. – Доктор сказал, что тебе нужен полный покой.

Эдик ничего не ответил. Он смотрел на Жанну, и взгляд его был полон презрения.

– Ты чего сюда явилась, пугало огородное? – спросил он хриплым голосом.

Лицо Жанны вытянулось, однако она поспешно придала ему привычное выражение, переполненное самоуверенностью.

– Послушай, мальчик! – проговорила она так, словно жалела Эдика. – Я, вообще-то, пришла не к тебе.

– А к кому?

Жанна раскрыла было рот, но поняла, что Виктория в качестве объекта для посещения вряд ли подойдет, учитывая ее настроение.

Она быстро сориентировалась и сказала:

– Я приехала собрать материал для работы.

Эдик криво усмехнулся и заявил:

– Знаю я, для чего ты приехала! Сплетни собирать, да? Чтобы потом в своей мусорной газетенке матери кости перемыть?

– Я отражаю реальные события. – Жанна захлопала глазами. – Ты должен быть мне благодарен, что я совершенно бесплатно пишу о вашей семье! Многие приносят мне деньги за то, чтобы я о них упомянула!

– Ах, деньги? – Эдик расхохотался. – Всем нужны только они! Ты тоже за ними явилась, дрянь? Хочешь возле жареных новостей покрутиться и свой кусок урвать? – Эдик сжал кулаки и стал надвигаться на госпожу Саакян.

– Между прочим, твоя мать сама очень любила читать мои новости! – выпалила Жанна. – Так что не надо тут из себя строить!

– Оставь в покое мою мать! – выкрикнул Эдик. – Пиарастка чертова!

Станислав поначалу не разобрал грубоватого неологизма, упомянутого Эдиком, потом понял, что тот имел в виду.

– Эдик!.. – предостерегающе сказала Виктория Павловна, но парня уже было не унять.

Он подскочил к Жанне и вцепился ей в волосы. Та завизжала и острыми ногтями полоснула парня по лицу. Эдик выругался, но еще крепче схватился за лохмы журналистки и стал наматывать их на кулак. Сзади к ним подскочила Виктория Павловна и попыталась прекратить безобразия.

Станислав Крячко взирал на эту сцену чуть ли не с удовольствием. Он жалел только о том, что Жанна не успела включить камеру. Вот была бы потеха, если бы она сама попала в таком виде на страницы желтой прессы.

Но все же Крячко привел сюда служебный долг, а не желание развлечься. Такую мерзость нужно было пресекать. Если бы на его глазах происходила обычная драка двух мужиков,

то Станислав давно вмешался бы. Но когда сцепились женщина и мальчишка, это выглядит нелепо, комично и ужасно одновременно. Крячко даже не знал, с какой стороны подступиться к этому клубку рук, волос и ногтей.

Наконец он выбрал подходящий момент, подошел сзади, резко вывернул руку Эдика и оттолкнул от него Жанну. Та наконец-то вырвалась и отшатнулась в сторону. Крячко перехватил сопротивлявшегося парня за корпус и слегка встряхнул.

– Тише! – неодобрительно проговорил он. – Нашел с кем драться. С бабой! Тьфу!

Жанна, растрепанная и похожая на встопорщенную ворону, яростно пыталась пригладить волосы. Под правым глазом у нее размазался макияж, на левой щеке алело пятно. Это придавало ее лицу сходство с клоунским.

– Погодите! – тяжело дыша, проговорила Жанна. – Я про вас все напишу! Думаете, я не знаю про ваши грязные делишки? И про маму твою напишу, и про отчима! И про тебя! – Она ткнула пальцем в Викторию Павловну. – Тоже мне, святоша нашлась! Всю жизнь притворяешься праведницей, так я тебя выведу на чистую воду! Все у меня попляшете!

Жанна Саакян привыкла изображать из себя светскую львицу. Сейчас в ней все отчетливее проступали ее истинные черты вульгарной простушки.

Эдик сильнее забился в железных руках Стаса. Виктория Павловна молча подтолкнула Жанну к дверям и сама вышла за ней.

– Если ты еще раз появишься здесь, я вызову полицию, – проговорила она.

Жанна, громко топая каблуками, на ходу сыпала ругательствами и обещаниями всевозможных неприятностей для всех обитателей этого дома. Она с громким стуком захлопнула дверцу автомобиля и рванула с места. После этого наступила долгожданная тишина.

Крячко продолжал держать Эдика, который постепенно затихал в его руках. Тут в комнату чуть ли не вбежала Виктория Павловна, держа в руке шприц. Она быстро оттянула край спортивных брюк Эдика и с ловкостью профессиональной медсестры сделала ему какой-то укол. Парень заверещал, но было поздно.

– Вот так! – удовлетворенно проговорила Виктория Павловна. – Доктор сказал – полный покой! – укоризненно добавила она. – А ты что делаешь?

– Вика, она же тварь! Гадина! – Эдика снова начало трясти.

Виктория Павловна обняла его и как маленького принялась гладить по плечу. Тот буквально на глазах стал обмякать. Видимо, Рудакова вколола ему сильное успокоительное. Глаза его утратили безумный блеск и подернулись какой-то поволокой.

– Вот и хорошо, просто замечательно. – Виктория Павловна усадила Эдика в кресло, сама примостилась на краешке и продолжала гладить его плечо.

Крячко мрачно смотрел на эту картину и думал, что Лев Гуров считал бы это время, проведенное в доме Анны Кристаллер, потерянным. У Станислава же было другое мнение на этот счет.

Жанна Саакян своим негалантным поведением дала ему пищу для размышлений. Конечно, она вылила тут целый ушат грязи, но ведь сплетни не рождаются на пустом месте! Крячко всегда был убежден в том, что нет дыма без огня.

Сейчас, конечно, момент не совсем подходящий, но потом надо будет непременно проанализировать и проверить все то, что наговорила тут Жанна. Крячко хорошо запомнил все ее выкрики. Память у него была цепкой, ничуть не хуже, чем у Гурова.

Они обращали внимание на разные вещи, но просто потому, что не походили друг на друга по складу характера и ума. Каждый из них пользовался своими методами сыска, что отнюдь не мешало им успешно сотрудничать не один десяток лет и даже удачно дополнять друг друга. Так что Крячко запасся терпением и ждал, пока обстановка утихнет окончательно.

Эдик, кажется, начал дремать. Рука Виктории Павловны замедлила свои движения.

Когда парень совсем заснул, она тихонько поднялась и извиняющимся тоном сказала:

– Давайте перейдем на кухню. Пускай спит. Он и так на грани нервного срыва.

Крячко не стал спорить и прошел за Рудаковой в коридор.

– А вы к нему с любовью относитесь, – заметил он.

– Да, – с легкой грустью ответила Виктория Павловна. – Он ведь мне как сын. – Неожиданно из ее правого глаза выкатилась слезинка, которую она тут же смахнула и проговорила уже твердым голосом: – Прошу извинить, что вам пришлось при этом присутствовать. Но Жанна!.. Право же, сейчас не время кого-либо чернить, но она и впрямь потеряла чувство реальности! Обнаглела совсем! Ведь говорила я Анне, чтобы не приваживала ее, но та была слишком мягким человеком. А может быть, ей и льстило, что Жанна пишет о ней в своей газете. Хотя по мне лучше бы уж эта особа помалкивала!

Крячко с пониманием и сочувствием кивал, не задавал ни единого вопроса об обвинениях, которыми сыпала Жанна. При этом Стас думал, что не мешало бы почитать эти статейки, все то, что Жанна Саакян написала об Анне Кристаллер, а уже потом трезвым умом отфильтровать вымысел от правды. Истина и ложь – они ведь как две сестры, часто идут рука об руку, маскируясь одна под другую.

Однако Крячко помнил о первоначальной цели своего визита.

– Виктория Павловна, мне, вообще-то, нужны не вы. И даже не Эдик, – признался он. – Я хотел поговорить с Антонио Тедески.

Виктория Павловна нахмурилась.

– Его здесь нет, – сухо сказала она.

– Как так? – не понял Крячко. – А где же он?

– Сегодня рано утром уехал. Кажется, в гостиницу. Сказал, что ему невыносимо тяжело оставаться в доме, где была убита его любимая женщина. – Виктория Павловна не смогла скрыть злой иронии.

– А в какую гостиницу? – живо спросил Крячко.

– Не знаю, – устало ответила женщина. – Мало у меня забот! Не желаю выяснять, где он остановился. Да я и рада, что этот красавец уехал! С ним одним только и нянчишься с утра до ночи! То ему сок подай, то молока, то еще что! Как дитя малое! Анне нравилось играть в добрую мамочку. Прежде я старалась ему угодить, а теперь с какой стати? Я уж лучше за Эдиком слежу.

Крячко не стал углубляться в подробности отношений Антонио и Виктории. Гуров поручил ему лишь Тедески, а с Рудаковой намеревался побеседовать сам. Он наверняка расспросит ее и об этом. Стасу нужно было найти Тедески.

– А раньше он уже бывал здесь, в этом доме?

– Конечно. Когда Анна приезжала, каждый раз его с собой брала. Словно боялась одного оставлять. – Рудакова усмехнулась уголком рта.

«А она, похоже, не слишком-то уважала свою подругу, – подумал Крячко. – Сейчас ей не удастся это скрыть. Леве как тонкому психологу и карты в руки! А мы люди простые».

– Так-так, а в каких-то гостиницах он раньше останавливался? – продолжал расспрашивать Крячко. – Или всегда здесь?

– Думаю, он поехал в «Космос», – вдруг сказала Рудакова. – Я слышала краем уха, как он вызывал такси и говорил про метро «ВДНХ».

– Ага! – загорелся Крячко. – Отлично! Спасибо вам, Виктория Павловна! Вас, кстати, полковник Гуров в ближайшее время вызовет для беседы, вот с ним и поговорите. А мне, извините, пора! – Он живо направился к выходу, не дав Рудаковой возможности начать возражать против этого, ссылаясь на занятость.

Крячко быстро прошел мимо охраны, сел в машину и направился в гостиницу. Администраторша, увидев его удостоверение, подтвердила, что Антонио Тедески действительно зарегистрировался у них в гостинице, в номере триста пятьдесят шесть.

- Только его сейчас нет, – сообщила она.
- Давно ушел? – спросил Крячко.
- Да с час назад, наверное.
- Не говорил, когда вернется? Ни о чем не просил?

Администраторша ответила отрицательно. Крячко, заметно разочарованный, вышел из гостиницы, раздумывая, что делать дальше. Ждать этого беглого итальяшку можно было до вечера. Вдобавок требуется все-таки навестить этого больного в стельку Завадского.

Однако когда Станислав Крячко приехал на проспект Вернадского, он понял, что день этот для него полон самых разных неожиданностей. На сей раз ему было непонятно, как относиться к очередной из них.

– Ничего не знаю! Не мое это! – истерично выкрикнула Ольга Летицкая и забилась в плаче.

Она сидела перед Гуровым на стуле и отвечала на его вопросы по поводу порошка, найденного в ее сумочке. Эксперты уже определили, что это наркотик нового поколения, весьма дорогой и относительно безвредный. Если, конечно, подобное определение вообще уместно, когда речь идет о наркотических препаратах.

Но, по словам эксперта, по сравнению с убойным героином этот порошок был невинным баловством. Он появился на черном рынке не так давно, всего около года назад. Позволить себе его могли только люди состоятельные.

В принципе, в том, что у Летицкой был найден дорогой наркотик, не было ничего удивительного. В ином случае майор Карасев, скорее всего, не стал бы слишком к ней цепляться по этому поводу. В конце концов, он был из другого ведомства и занимался убийствами, а не наркобизнесом.

Но дело осложнялось, во-первых, тем, что точно такой же препарат был обнаружен в покоях покойной Анны Кристаллер. Такой вот невеселый каламбур! Во-вторых, Ольга Летицкая сама накликала на себя беду, флиртуя с сожителем хозяйки дома чуть ли не у нее на глазах. И главное – ее упоминание в таинственном СМС-сообщении.

Пока что Гуров не переходил к этим вопросам. Он вел речь лишь о наркотике, но Ольга стояла на своем. Она уперлась как ослица и только повторяла, что это не ее. Я, мол, никогда в жизни в глаза не видела ничего подобного.

– Ольга Николаевна, чем скорее вы мне скажете правду, тем быстрее я вас отпущу, – в очередной раз попытался убедить ее Гуров. – Поймите, меня наркотик как таковой не интересует. Мне важна его связь с Анной Кристаллер. Как он к ней попал, через кого? Из одного и того же источника у вас эти препараты или нет?

Летицкая в который раз вытерла слезы. Нос ее распух и покраснел. Ночь, проведенная в КПЗ, которую ей устроил Карасев, сказалась на девушке далеко не лучшим образом. В ней трудно было узнать вчерашнюю беззаботную певичку, которая кокетливо смеялась, когда к ней прикасался страстный итальянец.

– Это вам Тедески дал порошок? – прямо спросил Гуров, глядя в лицо Летицкой.

Та испуганно подняла глаза и отрицательно замотала головой.

– Нет, что вы! Я же говорю, мне никто его не давал! Я сама не понимаю, как он оказался в моей сумочке! Я никогда даже не пробовала наркотики, честное слово!

Гуров вздохнул и заявил:

– Хорошо, пойдем с другого конца. Где была ваша сумочка в тот вечер? Все время при вас?

Ольга наморщила лоб, вспоминая.

– Я повесила ее на спинку стула, – сказала она.

– А когда выходили с Тедески из зала, она была при вас?

– Да, при мне, – твердо ответила Ольга. – Я никогда не оставляю ее без присмотра. Там у меня довольно ценные вещи.

Гуров уже ознакомился с содержимым сумочки певицы. Ничего особо ценного, на его взгляд, там не было, даже денег немного – пара сотен долларов и еще какая-то мелочь. Заслуживал внимания лишь порошок, упакованный в изящную золотистую коробочку. Да и сам этот наркотик имел необычный цвет.

– Где вы были с Тедески? Что делали? Ольга, вам придется отвечать на эти вопросы, какими бы неприятными они ни казались, – объяснил он. – Ситуация не та, чтобы кричать, что это ваше личное дело.

Летицкая подергала плечиком, похмурила брови и сказала:

– Ничего особенного мы не делали! Антонио водил меня на второй этаж, показывал свою комнату и рисунки. Кстати, очень неплохие.

Гуров продолжал молча смотреть на нее, и Ольга занервничала.

– Да что вам еще нужно? Мы посидели там и вернулись в зал. Вот и все.

– Вас не было довольно долго. Такие интересные рисунки?

Ольга вскинула голову и произнесла с вызовом:

– Когда мужчина и женщина, симпатизирующие друг другу, остаются наедине, время для них движется не так, как для всех остальных людей.

– Согласен. То есть вы симпатизировали друг другу?

– Во всяком случае, он мне точно, – с гордостью ответила Ольга, и Гуров подумал, что женщина, увы, остается таковой, даже когда ей грозит уголовное наказание.

– Вы заходили в комнату отдыха?

– Это ту, где Анну застрелили? – Ольга понизила голос. – Нет! Зачем? Туда же люди могли войти, а мы!.. Ну что вы на меня так смотрите? – неожиданно разозлилась она. – Да, он меня целовал и намекал на продолжение отношений, так что? Это все не всерьез! Я отлично понимала ситуацию!

– Боюсь, что нет. – Гуров покачал головой. – Вы и сейчас, кажется, не понимаете. Вы находились в доме женщины, от которой зависело получение вами роли в готовящемся мюзикле. Вы заинтересованы в том, чтобы ее получить. Для этого вам нужно как можно лучше наладить отношения с Анной. Вы вместо этого флиртуете с ее кавалером, прямо в доме, да еще и у всех на глазах! На что вы рассчитывали? Или этот горячий южный мачо так вскружил вам голову? Ладно, если бы все закончилось мирно. Но вы не понимаете куда большего. Анна была убита. За несколько минут до смерти ей пришло сообщение. В нем говорилось, что вы с Тедески наедине находитесь в комнате отдыха. Она туда пошла и была убита. Вы опять ничего не понимаете?

Гуров в упор смотрел на Ольгу, которая вдруг начала бледнеть. Кажется, до нее стало доходить, в каком положении она оказалась. Пресловутый наркотик тут был лишь сбоку припека.

– Я... Нет, мы не заходили в ту комнату, – запинаясь, проговорила она, а глаза ее становились все больше и больше от испуга.

– Где вы были в тот момент, когда узнали о смерти Анны? – с нажимом спросил Гуров.

– В комнате Тони. Мы услышали крик, поначалу испугались, но потом вышли.

– Одновременно?

– Что? Нет, сначала я. Тони спустился чуть позже. Его комната на втором этаже. Все находились в замешательстве, и никто не обратил на меня никакого внимания.

– После этого вы общались с Тони?

– Нет. Он только сунул мне в руки сумочку и сразу отошел.

Гуров резко выпрямился на стуле.

– Что значит сунул сумочку? – спросил он, не мигая глядя на Ольгу.

Летицкая совсем растерялась, а потом заговорила быстро-быстро:

– Господи, сумочка!.. Я же забыла ее в комнате у Тони, когда выскочила в коридор! Мы были так ошарашены, что я оставила ее там. Тони, наверное, это заметил, захватил с собой сумочку, вышел вслед за мной и передал ее мне!

Гуров задумчиво посмотрел на блестящий серебристый прямоугольник с длинной цепочкой, лежавший перед ним на столе. Это была сумка Ольги – маленькая, почти плоская, в которой мало что могло уместиться.

Потом, ни слова не говоря, он достал свой сотовый телефон, набрал номер и сказал:

– Алло, Стас! Где там у тебя этот дамский угодник итальянского происхождения? Не виделся? Так. Слушай, его придется срочно найти. Он нам нужен позарез.

– Подожди, Лева, – ответил Крячко. – Я тебе сейчас для начала еще кое-кого привезу, тогда и будем разбираться, кто нам нужнее и срочнее. Все, не могу говорить, уже еду! – Станислав отключил связь.

Гуров в непонимании смотрел на экран. Тедески был нужен ему немедленно.

«Что там еще задумал этот гений сыска? Опять эта самодеятельность! – недовольно подумал он. – Не может Крячко без импровизаций!»

Ольгу Летицкую пришлось оставить в главке, хотя она и бурно протестовала против этого. Но сейчас Гуров дожидался Крячко, а еще у него была назначена встреча с Лейбманом и Викторией Рудаковой. День предстоял еще долгий и весьма насыщенный.

Станислав Крячко ввалился в кабинет, шумно топая ногами. Вслед за ним, медленно ступая, вошел человек, закутанный в теплый шарф. Глаза, видневшиеся из-за шарфа, слезились под очками.

Гуров взглянул на него и понял, что это Василий Завадский. Крячко все-таки встретился с ним. Непонятно только, для чего он притащил его сюда, да еще в таком состоянии. Гуров недовольно поморщился и посмотрел на Станислава, ожидая объяснений.

– Вот, Лева! – с торжественными нотками в голосе объявил Крячко. – Василий Юрьевич Завадский.

– Я понял, – сказал Гуров. – Здравствуйте.

Завадский кивнул, глядя на Гурова как на совершенно незнакомого человека.

– Он утверждает, что вчера не был ни на каком приеме, а лежал у себя дома с высокой температурой! – заключил Крячко.

Несколько секунд Гуров недоуменно молчал, глядя на Завадского, потом спросил:

– Это как же понимать? Ведь я сам видел вас там вчера вечером! Только шарф был другой.

– Не был я на банкете у Анны, – сильным голосом проговорил Завадский. – Я ее заранее предупреждал, что не приду.

Несмотря на громадный опыт работы в сыске, Гуров был растерян. Он переводил взгляд с Завадского на Крячко, на ходу соображая, что за чертовщина происходит и как ее распутывать.

– Василий Юрьевич! – пришел ему на помощь Крячко, весело подмигнув Завадскому. – А у вас брата-близнеца случайно нет?

– Нет у меня ни сестер, ни братьев. Дома я сидел один. Мне так плохо было, что пришлось даже «Скорую» вызвать. Хотели в больницу меня доставить, но я отказался. Думал отлежусь, пройдет. Мне бы и сейчас из-под одеяла не вылезать, а тут вот пришлось к вам ехать, – с упрямом в голосе сказал он.

– Так!.. – протянул Гуров. – Василий Юрьевич, я приношу вам свои извинения, но очень прошу задержаться хотя бы ненадолго. Попробуем быстро разобраться в ситуации, а после мы отвезем вас домой. Может быть, вызвать вам врача прямо сюда?

– Не надо, – отказался Завадский. – Давайте лучше поскорее закончим.

Гуров не был уверен, что все закончится так уж быстро, но взялся за дело с места в карьер. Он задал Завадскому несколько вопросов, потом предложил ему написать что-нибудь на листке и поставить свою подпись. После чего сыщик сравнил образец его почерка с подписью в протоколе, составленном майором Карасевым.

Разумеется, эти образцы он намеревался передать эксперту-почерковеду. Но полковнику уже сейчас было понятно, что теперешняя подпись Завадского не имеет ничего общего с той, что была оставлена вчера.

– Василий Юрьевич, а вы получили от Анны пригласительный билет? – спросил Гуров.

– Конечно, – кивнул тот.

– А он у вас цел?

На лице Завадского появилась растерянность.

– Не помню. – Он развел руками. – Я и не думал о нем! Зачем, если я идти туда не собирался? Могу, конечно, дома поискать.

– Я вас очень попрошу обязательно это сделать, – проговорил Гуров. – Если найдете, сообщите, пожалуйста, мне вот по этому номеру.

– Да незачем! – вмешался Крячко. – Приглашенный – это же не паспорт! Его подделать – тьфу! У Анны наверняка хранилась целая куча таких бумажек! Имя только вписать, и все дела! Можно и самому сделать на компьютере и распечатать.

– Для этого нужно знать, как выглядит оригинал, – возразил Гуров.

– Тоже мне, сокровенное знание! – фыркнул Крячко. – Она же не первый раз гостей собирала.

– Словом, работал человек, хорошо знакомый с укладом ее жизни, – задумчиво произнес Гуров.

– Либо же он его просто спер у вас, – сказал Крячко, повернувшись к Завадскому. – Вы недавно где-нибудь в забегаловке ни с кем не пили часом?

– Я по забегаловкам не хожу! – отрезал Завадский с оскорбленным видом.

– Или в театральном буфете? – спросил Крячко, которого сложно было пронять этическими моментами, и примирительно пожал плечами.

Он хотел было предложить еще пару вариантов, но Гуров махнул на него рукой, и Станислав смолчал.

Лев Иванович сдержал свое обещание. Он предельно оперативно опросил Завадского, а потом распорядился, чтобы артиста отвезли домой.

Оставшись наедине с Крячко, Гуров сказал:

– Кажется, наш киллер умело замаскировался под одного из гостей.

– Да, но откуда он мог знать, что Завадский не придет на вечер? – возразил Станислав.

– Ты же сам слышал, он сказал, что сообщил об этом Анне по телефону. Неизвестно, где она находилась в этот момент. Ее могли слышать десятки людей!

– А что, они специально за ней следили, по пятам ходили? – съязвил Крячко.

– Я уже давно понял, что это убийство спланировал человек, очень близкий к Анне, – сказал Гуров. – Он знает все подробности, касающиеся ее. Может быть, этот господин вовсе и не организатор, а лишь некий наводчик, но свой человек помогал убийце стопроцентно! – Сыщик встал со стула, походил по кабинету, засунув пальцы за ремень брюк, потом крутанулся на носках и сказал: – Мне нужен Карасев.

Гуров сам отправил майора отдыхать, но набрал его номер без всяких колебаний. Слишком серьезным, не терпящим отлагательств было это дело. Карасев ответил сразу, и голос его звучал вполне бодро.

– Скажите, вы вчера обыскивали всех? – спросил Лев Иванович.

– Да, я отправил одного из ребят за постановлением, и мне его привезли. В исключительных случаях этот документ можно получить не только у прокурора.

– Василия Завадского тоже осматривали? Это тот артист, что все время в шарф кутался?
– Да, помню. Конечно, им я лично занимался, – уверенно сказал Карасев. – А что такое?
– Ничего. Боюсь, что киллер провел нас как детей. Ускользнул из-под носа, причем на законных основаниях.

– Завадский? – удивленно воскликнул Карасев.

– Никакой он не Завадский! – с досадой ответил Гуров. – Ладно, всего доброго, до связи. Нам тут самим предстоит разбираться.

Карасев так до конца и не понял суть проблемы, но спорить не стал.

– Да, неплохая идея! – заметил Крячко, качая головой. – Замаскироваться под простуженного – самое милое дело! Очки, шарф на пол-лица, умелый грим – и вот вам готовый Василий Юрьевич Завадский! Какая клевая отмазка! Дескать, у меня простуда, не приближайтесь ко мне. Говорить трудно, поэтому я все время молчу. А уж если что скажу, то голос мой скрипит как старая несмазанная телега! Выходить из зала можно запросто. Больному человеку постоянно надо то в нос закапать, то прокашляться, то порошки принять! Отлично! На пять баллов!

– Ты так восхищаешься, будто это мы на пять баллов наработали! – раздраженно заметил Гуров. – У нас пока что ноль на выходе! Кстати, где этот твой Тедески?

– Уже и мой! – Крячко хлопнул себя по колену. – Ты сам его мне повесил! Не знаю я, где он. Съехал из дома Анны в гостиницу, но и оттуда куда-то умотал. Я караулить не стал, к Завадскому поехал.

– Езжай немедленно в гостиницу и жди! – категорически заявил Гуров. – Хоть до ночи сиди, но хомутай его обязательно и вези сюда, ясно?

– Ясно. – Крячко вздохнул, нахлобучивая кепку. – Ты бы мне служебную машину, что ли, выделил, а то я своего бензина уже знаешь сколько прокатал сегодня? От ВДНХ до Вернадского – шутка ли!

– Обойдешься, – отрезал Гуров. – Все вопросы такого рода к начальству.

Когда Крячко ушел, Гуров набрал номер Орлова и сообщил ему новости. Генерал-лейтенант, кстати, обрадовался.

– Ну хоть что-то! – воскликнул он. – Дело немного сдвинулось с мертвой точки! Есть что докладывать!

По мнению Гурова, пока что почти ничего не сдвинулось, однако он не стал лишать оптимизма Орлова. Сыщик знал, что тот сидит у телефона как под обстрелом, постоянно ожидает очередного звонка из министерства и ломает голову над тем, как на него отвечать.

Гуров посмотрел на часы. До прихода Льва Хаимовича Лейбмана, вызванного телефонным звонком, оставалось десять минут.

Когда Крячко подъехал к гостинице «Космос» во второй раз, время уже перевалило за полдень.

Администраторша на ресепшене сразу узнала полковника и тут же любезно сообщила ему:

– Приезжал ваш друг. Только теперь его опять нет.

– Да что же за невезуха такая с самого утра! – сокрушенно сказал Крячко. – А он не говорил, куда подался?

– Совсем уехал.

– Как? – оторопел Крячко.

– Очень просто. Вышел с вещами, рассчитался и уехал. – Девушка пожалала плечами. – В аэропорт.

– В аэропорт? – Крячко вцепился в нее глазами. – Какой? Знаете? Слышали?

– Да вы успокойтесь, пожалуйста. – Она укоризненно взглянула на него. – В Шереметьево. Он просил машину ему заказать, я вызвала.

– Когда это было? – торопливо спросил Крячко.

– Да буквально минут двадцать назад! Совсем чуть-чуть вы разминулись!

– Спасибо, милая! – крикнул Крячко, выбегая из здания гостиницы и оставляя у администраторши не самые лучшие впечатления о полковниках, служивших в главном управлении внутренних дел.

Крячко гнал свою машину к цели, сетуя на то, что поленился и не вытребовал у Орлова служебный «Форд». На нем сейчас было бы куда сподручнее, чем на старенькой машине Стаса. Он поминутно смотрел на часы, и ему казалось, что время просто летит.

Итальянец направился в аэропорт с вещами, значит, собирается улетать из России. Правильно, он имеет полное право поступить так, ему пока что никто этого не запрещал. Операм и в голову не могло прийти, что он вот так сорвется.

Надо было насторожиться еще в тот момент, когда Стас узнал, что Тедески покинул дом Анны! С чего бы ему так поспешно уезжать в гостиницу, да еще платить за номер и питание, если там он жил на всем готовом? Тяжело оставаться там, где только что убили любимую женщину? Ха!

Крячко озабоченно взглянул на спидометр и прибавил скорость. Как назло, недавно прошел дождь. Даже это незначительное обстоятельство затруднило передвижение в центральных районах. Но Станислав уже давно благополучно миновал центр и мчался теперь по трассе, изо всех сил стараясь успеть.

Он уже позвонил в аэропорт Шереметьево и узнал расписание. Ближайший рейс на Милан был через два часа. Скорее всего, итальяшка на него и метил. Дать ему уйти сейчас никак нельзя. Ни в чем не повинные люди не удирают вот так поспешно, тайком, трусливо, не дождавшись даже похорон любимой женщины.

С визгом миновав поворот, Крячко влетел на автостоянку, поставил машину на свободное место и направился в зал ожидания. По счастью, посадку еще не объявили.

Станислав Крячко никогда не видел Антонио Тедески, но это его сейчас не пугало. Гораздо больше оперативника радовало то, что этот итальянец тоже ни разу не встречался с ним, следовательно, не сможет его вовремя узнать и дать деру.

Войдя в зал, Крячко сразу перестал спешить. Он двинулся по проходу не торопясь, придав лицу рассеянное выражение, но при этом зорко осматривал все помещение.

Высокого итальянца с ярко-красной сумкой через плечо он заметил довольно скоро. Тот торчал возле кофейного автомата и потягивал горячий напиток из бумажного стаканчика. Крячко остановился чуть поодаль и занял наблюдательную позицию.

Тедески, разумеется, даже не подозревал, что за ним следят. Поглощая кофе, он, кажется, пребывал в уверенности в том, что ему удалось спокойно улизнуть от всех проблем. Во всяком случае, в аэропорту этот субъект явно чувствовал себя в безопасности, видимо, мысленно уже находился за границей.

Только здесь, в этот самый момент Станислав Крячко осознал, что оказался перед очень сложной задачей. Когда он гнал свой автомобиль в аэропорт, в его голове билась одна-единственная мысль – успеть. Надо найти Антонио Тедески и задержать его. Это соображение затмевало все остальные.

Теперь Тедески находился буквально в двух шагах от него. Полковник имел полную возможность схватить его за шиворот. Первоначальная задача была решена, но Крячко понял, что настоящие проблемы только начинаются. Попасть в аэропорт в режиме цейтнота оказалось легче, чем осуществить задержание данного господина.

Крячко смотрел на Тедески, благопристойного, мирного, и понимал, что у него нет законных оснований не то что для его ареста, а даже просто для доставки в управление. Если проверить его документы, то они все окажутся в порядке.

Протрясти багаж? Конечно, есть шанс обнаружить в его вещах что-нибудь не слишком легальное, но очень уж крохотный. Вряд ли у него там лежит пистолет. А брать итальянца надо, потому что еще несколько минут – и будет поздно. Тедески взмоет в воздух и растворится в голубых небесах.

Крячко посмотрел на часы. До посадки оставалось пятнадцать минут. Станислав мучительно соображал. Он не знал, что сделал бы на его месте Гуров, да и не полагался на методы своего друга. Если это не твоя роль, то не стоит и пытаться ее играть – все равно споткнешься и все завалишь. Надо оставаться самим собой. А поэтому...

Крячко вздохнул. Поэтому нужно брать его нахрапом, но не тупым, а психологически выверенным. Расчет должен быть очень точным – манеры, интонации, голос!.. В первую очередь нужна непоколебимая уверенность в своей правоте, но лишенная всякого апломба.

Придется блефовать так, чтобы этот итальяшка даже на миг не заподозрил, что его, грубо говоря, берут на пушку. Подобная задача была вполне по силам Станиславу Крячко. Как раз в таких психологических методах он был очень даже силен.

Крячко уже давно подсознательно проанализировал данные о Тедески, которые были ему известны. Все они отлично укладывались в схему, придуманную им на ходу, прямо сейчас. То, что он трус, альфонс, нечист на руку и прочее. Теперь нужно только решительно идти вперед и не сбиться с выбранного курса.

Крячко оттолкнулся от стены и с непроницаемым лицом двинулся в сторону Тедески. Тот уже допил кофе, скомкал стаканчик и наклонился над урной, чтобы выбросить его.

– Антонио Тедески? – твердокаменным голосом, лишенным интонаций, спросил Крячко.

Тедески вздрогнул, начал выпрямляться и кивнул в знак согласия.

– Полиция, – мрачно произнес Крячко. – Главное управление внутренних дел. Попрошу вас следовать за мной.

– Что вы говорите? – Тедески растягивал слова, отчаянно имитировал акцент, давал понять, что не разобрал ни слова из того, что сказал Крячко, хотя все отлично понял. – Я не понимать по-русски.

Крячко достал удостоверение и ткнул его в лицо Тедески.

– Полиция, – повторил он с нажимом. – Полис, ясно?

Тедески лихорадочно соображал и тянул время. Он выдавил из себя жалкую улыбочку и продолжал ломать комедию.

– А в чем дело? Я есть иностранный гражданин. Я... улетать! – Он махнул рукой в сторону окна.

– Улетать не получится, – пригвоздил его Крячко. – Сначала вы отвечать на ряд вопросов. А потом мы решать, можно ли вам улетать. Разрешите ваши вещи? И документы приготовьте, пожалуйста! – Не дожидаясь ответа, он протянул руку и сдернул с плеча Тедески спортивную сумку.

Станислав абсолютно все делал так, словно был не только убежден в том, что Тедески замешан в чем-то противозаконном, но и имел тому железные доказательства. Дело было даже не в его конкретных действиях, а в поведении в целом. Это был высший пилотаж, образец настоящего актерского мастерства. Впоследствии Крячко жалел, что не видел себя в тот момент со стороны. Но тогда он думал только об одном: лишь бы не сбиться с роли, не допустить малюсенькой роковой промашки.

Крячко выиграл и сразу почувствовал тот момент, когда Тедески сломался. Он безропотно позволил Станиславу взять его сумку и двинулся к выходу. А ведь полковник всего лишь показал ему взглядом на дверь!

«Да, он боится, – понял Стас. – Значит, знает, что у него рыльце в пушку! Но при этом господин Тедески не в курсе, что известно полиции. Посему он предпочитает пока ничего не говорить, старается выведать побольше, рассчитывает на то, что я проболтаюсь».

Итальянец на ходу продолжал что-то робко лепетать о том, что он иностранный гражданин. Тут, мол, какая-то ужасная ошибка. Но сердце Крячко билось ликующе. Боится, да еще как! Первый тайм был подчистую за Станиславом.

– В машину! – Он кивком указал на переднее сиденье рядом с водительским.

Тедески послушно опустил ся, куда ему было велено.

Крячко бросил его вещи назад, сел рядом и сказал:

– Надеюсь, не нужно надевать на вас наручники? Обойдетесь без глупостей?

– Нет-нет, не надо наручники! – Антонио замахал руками.

Крячко криво усмехнулся и осведомился:

– Значит, по-русски ты все-таки понимаешь?

Он смерил разволновавшегося и порозовевшего Антонио презрительным взглядом и нажал на газ.

Лев Хаимович Лейбман оказался на удивление приятным собеседником. Против ожиданий Гурова он не юлил, не уходил от ответа, не бросал сквозь зубы короткие фразы и вообще всем своим видом выражал расположение, готовность помочь и полную искренность. Просто душа человек, а не свидетель.

Однако полковник Гуров не был настолько наивен, чтобы принимать Лейбмана за невинного простачка. Это человек, который много лет подряд был продюсером международных проектов. Он сумел поднять очень и очень немалые деньги, договаривался с мировыми деятелями. Конечно же, Лев Хаимович вовсе не блаженствовал за оградой райского сада. В жизни и в людях он разбирался очень хорошо.

Гуров это учитывал. Он просто беседовал с ним, не пытался ставить ловушки, но внимательно следил за словами этого умного человека и манерой его разговора вообще.

– С Анной мы работали уже пятнадцать лет, начинали еще в России, – проговорил Лев Хаимович. – Тогда, конечно, все было не так, как сейчас. Русская культура находилась в полном упадке, равно как и экономика. Я мыкался по союзам композиторов, артистов, по различным инстанциям, пытался раздобыть хоть какие-то деньги, объяснял, убеждал, даже грозил. Увы, нам доставались лишь крохи. Тогда я решил, что нужно менять политику. Пора выходить на другой уровень, на иностранцев. Россия тогда выбиралась из глубочайшей экономической ямы, ей было не до спонсирования талантливых проектов.

– Судя по вашему нынешнему положению, вам это удалось, – вставил Гуров.

– Хвастать не стану, но без ложной скромности скажу: я удовлетворен тем, что сделал за эти годы. Да и Анна была довольна. Вас ведь, видимо, интересует прежде всего финансовый аспект наших отношений, не правда ли?

– Почему? – удивился Гуров.

– Ну как же! – Лейбман всплеснул руками. – Из-за чего совершено убийство? Разумеется, из-за денег!

Сыщик недоверчиво посмотрел на Лейбмана, лицо которого выражало полнейшую убежденность в правоте собственных слов.

– А вы не допускаете иного мотива? – спросил Гуров.

– Бросьте! – Лейбман небрежно махнул рукой. – Если бы где-нибудь в Астрахани пьяный муж ткнул ножом свою жену, тогда иной мотив был бы налицо – бытовой. А здесь ситуация совершенно не такая. Следовательно, деньги. Собственно, главных мотивов преступлений в России всего два – пьянство и деньги. Порой они перемешиваются, но это не тот случай. В остальном мире деньги лидируют.

– Вы рассуждаете довольно цинично, – заметил Гуров.

– Я реалист, – отрезал Лейбман. – За прошедшие тысячелетия род людской очень мало изменился по своей сути. Внутренняя сущность человека осталась прежней. Во все времена люди убивали ради наживы, и сейчас происходит то же самое. Деньги – это извечный мотив преступления.

– Хорошо, давайте разоведем эту тему, – предложил Гуров. – Кому было выгодно убить Анну Кристаллер? Другими словами, кто выигрывал финансово от ее смерти?

Лейбман погладил внушительную плешь, пожал плечами и сказал:

– Многие. Во-первых, те, кто получил бы грант на мюзикл вместо нее. А это не один человек. Хотя самый жирный кусок пирога, разумеется, поделится между совсем небольшой кучкой. Остальные будут довольствоваться крохами.

– Кто же эти многие? – Гуров взял авторучку. – Мне нужны не общие предположения, а конкретные имена. Иначе ваши рассуждения станут голословными и превратятся в домыслы. Вы ведь, Лев Хаимович, не можете не знать других претендентов, если возвращаетесь в той среде. Я прав?

– Разумеется, я не настолько глуп, чтобы это отрицать, – заявил Лейбман. – Главными конкурентами считались итальянская студия «Соната» и наша питерская «Голден войс». Но победил «Кристалл».

– Это ваша фирма так называется?

– Да, Анна придумала как производное от своей фамилии. Она была достаточно амбициозной женщиной и не могла не отметить в названии.

– Вы хорошо к ней относились? – неожиданно спросил Гуров.

– К Анне? – Лейбман явно удивился, услышав такой вопрос. – Замечательно. У нас с ней практически не возникало разногласий. Мы были отличными партнерами.

– Я имею ваше отношение к ней как к человеку.

– Аналогичный ответ. Видите ли, Лев Иванович, я уже немолод и далек от того, чтобы ждать от людей только хорошего. Я прекрасно знаю, что все мы в равной степени обладаем как достоинствами, так и недостатками, даже пороками. Кто-то одними, кто-то другими. Вопрос лишь в том, насколько мы принимаем минусы именно этого человека. Касаемо Анны могу сказать, что ее недостатки я вполне понимал. Я считаю их простительными. Точно так же она относилась к моим.

– Раз уж мы заговорили о пороках... – Гуров быстро взглянул на Лейбмана и поинтересовался: – Вам известно, что Анна употребляла наркотики?

Лев Хаимович нахмурился.

– Я никогда не видел ее за этим занятием, – ответил он уклончиво.

– Все же вам было это известно? – настойчиво спросил Гуров.

Лейбман не спешил отвечать.

Он спокойно разгладил ровные стрелки на безукоризненно отглаженных серых брюках, потом посмотрел на полковника и сказал:

– Я предпочитаю не лезть ни в чью частную жизнь. Анна была весьма здравомыслящей женщиной, так что я не опасался за нее в этом плане.

Гуров понял, что продолжать расспросы на данную тему неконструктивно. Было очевидно, что Лейбман не скажет ничего конкретного по этому вопросу. В то же время другие его ответы сыщик считал откровенными, пусть и до известного.

Лев Иванович решил зайти с другой стороны и спросил:

– А в другом плане опасались?

– Вы о чем? – Продюсер блеснул золотой оправой очков.

– О ее возможной смерти, – прямо заявил Гуров. – Не было таких мыслей?

Лейбман завозился на стуле, принимая удобное положение.

– Вы ведь сыщик, должны понимать, что для подобных мыслей нужны веские основания, – проговорил он. – А их не было. Ничто не предвещало такой драматической развязки. Я, конечно, предполагал, что обозленные конкуренты могут строить какие-то козни, авантюры, дабы заполучить свой куш, но чтобы дойти до убийства!.. – Он передернул плечами. – Нет, такое мне и в голову не могло прийти! Мы же все-таки не в бандитской среде вращаемся.

– Лев Хаимович, вы же сами признали, что не столь наивны, – с легким упреком произнес Гуров. – Деньги одинаково ценны как для бандитов, так и для творческих людей или тех, которые считают себя таковыми. В вашем обществе подобные вещи тоже случаются. Вам ли этого не знать? Деятели искусства частенько кислотой друг друга обливают, да и заказные убийства тут не редкость.

– Вы полагаете, что оно имело место? – Лейбман быстро стрельнул цепкими глазками на полковника.

Гуров отметил, что тот снова не ответил на его вопрос и никак не прокомментировал последнее замечание. Хитрый старый еврей!

– Полагаю, что да, – твердо сказал Гуров. – Анну убил киллер, профессионал, присутствующий в ее доме с самого начала банкета.

Лейбман вытаращил глаза. Сейчас он был искренен на сто процентов.

– Но как же мы могли его не заметить? – волнуясь, спросил он и даже подался вперед. – Куда смотрела охрана?

– На то он и профессионал. – На сей раз и Гуров не стал отвечать прямо. – Вы мне вот что лучше скажите. Кто становится наследником Анны?

Лейбман выпятил губы трубочкой и помотал головой.

– Ей-богу, не знаю, – протянул он. – Я ведь только продюсер, в конце концов! А подобными вещами занимается нотариус.

– Анна никогда не обсуждала с вами этот вопрос?

Лейбман шумно выдохнул и коротко ответил:

– Нет. – Потом он подумал и добавил: – Полагаю, что главным наследником станет, конечно, Эдик. Кому еще ей оставлять свой капитал? Возможно, что-то перепадет Виктории. Анна питала слабость к этой несчастной женщине. Не исключаю, что какая-то мелочь достанется и мне. – Последние слова он старался проговорить как можно равнодушнее. – А если и нет, я не в обиде.

«Потому что уже успел за эти годы сколотить на ней собственный капитал!» – подумал Гуров, мысленно усмехнулся, а вслух спросил:

– А почему Виктория несчастна?

– Ну так... – Лейбман вдруг замолчал, но быстро продолжил: – Одинокая женщина, не реализовавшая себя практически ни в чем. Да она и жила-то только Анной и ее заботами. Еще Эдиком, конечно. Вика привязана к нему.

– Лев Хаимович, я вот заметил, что в течение вечера вы выходили вместе с Викторией Павловной из зала. Незадолго до смерти Анны, помните?

Лейбман нахмурился и пробормотал:

– Возможно.

– А о чем вы беседовали, если не секрет?

– Да какие тут секреты! – Лейбман снова принял удобное положение. – Она спрашивала меня, стоит ли отправить Эдика вместе с отцом домой. Он что-то не слишком хорошо себя вел, но вы, наверное, не заметили этого.

– Почему же, очень даже заметил. Просто не придал значения. А чем вызвано такое его поведение?

– Эдик вообще парень с характером! – Лейбман махнул рукой. – Причем со скверным. Капризный, избалованный, при этом довольно инфантильный паренек. Живет на деньги то папы, то мамы, катается как сыр в масле и почему-то считает себя обиженным и обделенным.

В голосе Лейбмана прозвучали плохо скрываемые нотки раздражения, и Гуров понял, что продюсер не слишком-то симпатизирует сыну Анны Кристаллер.

– А в каких отношениях он был с матерью?

Лейбман помолчал, потом проговорил куда-то в сторону:

– В неоднозначных. Нет, мать он, конечно, любил, но в то же время постоянно ею манипулировал, мастерски вызывал в ней чувство вины.

– Да? По какой же причине она должна была чувствовать себя виноватой перед ним?

– Это он так считал. Потому что развелась с его отцом, вышла замуж повторно и посмела быть счастливой. По мнению Эдика, все вокруг должны жить исключительно его заботами и интересами.

– А с отцом?

Лейбман наморщил лоб.

– Знаете, с отцом, пожалуй, лучше. Им не повертишь так, как мать. Анатолий по характеру жестче Анны, хотя он Эдика не просто любит, а обожает.

– Чем он занимается?

– Какой-то бизнес, я точно не знаю. Я с ним деловых отношений никогда не имел. Что-то строительное, кажется.

– Он меня уверял, что они с Анной сохранили дружеские отношения.

– Так и есть, – кивнул Лейбман. – Их ведь связывал Эдик. От этого никуда не денешься.

– Анатолий Петрович говорил, что Эдик занимается музыкой.

– Ой, я вас умоляю! – Лейбман презрительно фыркнул. – Музыкой! Эдик всю жизнь занимается ерундой! А в музыку подался только для того, чтобы ничего не делать. Так ему проще было сшибать у матери деньги! Он же понимал, что подкупает ее этим. Мать сама в этой сфере. Ей было приятно слышать, что сыночек хочет развить свой талант, которого там и в помине не было! Вот она и спонсировала его проекты, оплачивала записи, студии, договаривалась о концертах, рекламе. А он записал парочку ерундовых песенок и щеголяет ими третий год! Рот под фонограмму открывает.

– А Анна не предлагала ему принять участие в мюзикле?

Вопрос Гурова во второй раз заставил Лейбмана удивиться.

– Да вы что? Разумеется, нет! Тут уж я сам воспротивился бы насмерть! – категорически заявил он.

– Понятно. Эдик не обижался?

– Может, и было такое, но это его проблемы! – резко ответил Лев Хаимович, на покато лбу которого выступили бисеринки пота.

Гуров подумал, что юная звезда по имени Эдик основательно потрепала нервы этому человеку. Ему, в принципе, было ясно, что собой представлял парень. Но полковника волновала еще одна личность, появления которой в своем кабинете он очень ждал и надеялся, что Крячко сумеет-таки ее разыскать.

– А что насчет Антонио Тедески? Он мог рассчитывать на какую-то долю в наследстве Анны?

– Господи! – Лейбман закатил глаза. – Еще один нахлебник! Лев Иванович, со стопроцентной откровенностью скажу вам – не знаю! Я не одобрял их связи и неоднократно говорил об этом Анне в глаза. Но это была ее блажь, прихоть стареющей женщины. Надеюсь, у нее все-таки хватило ума не вводить его в список наследников.

– Кто он вообще и как давно появился в жизни Анны?

– Чуть больше года назад, – буркнул Лейбман. – По жизни – никто. Перекати-поле. Исколесил всю Европу, автостопщик, кажется. Последние годы жил в Турции, набрался там у местных умения очаровывать женщин. Да он, я думаю, и так им прекрасно владел. Этот Антонио пристраивался к богатеньким дамочкам, познакомился с Анной, когда та отдыхала в Греции. Подкатил на пляже, осыпал комплиментами, погладил плечико, поцеловал ручку – и все! Она его! С тех пор он жил за ее счет. Она повсюду таскала его за собой и внушала самой себе, что абсолютно счастлива!

– Неужели столь здравомыслящая женщина могла так легко поддаться?

Лейбман посмотрел на Гурова тяжелым взглядом.

– Баба есть баба! – произнес он с интонациями, свойственными Станиславу Крячко.

Гуров постукивал авторучкой по записной книжке. Лейбман, конечно, осветил ему ряд вопросов. Больше, пожалуй, на сегодняшний момент им говорить почти не о чем. Осталась разве что пара деталей.

– Еще несколько вопросов, Лев Хаимович, и я вас отпущу, – сказал полковник. – Теперь, после смерти Анны, будет ли реализован проект с участием актеров, выбранных ею?

Лейбман помрачнел. Гуров явно задел его большую мозоль.

– Надеюсь, – не слишком уверенно сказал он. – Немцы, разумеется, уже в курсе случившегося. Звонил герр Штальман, это хозяин конторы, спонсирующей проект. Он выразил соболезнование, сказал, что деловые вопросы мы обсудим позже. Надеюсь, это трагическое обстоятельство не повлияет на наши отношения и планы. – Лейбман отвел в сторону карие глаза, наполненные какой-то тоской.

Гуров видел, что он боится, в душе понимает, что, скорее всего, никаких совместных планов с немцами больше не будет. Следовательно, можно забыть и о мюзикле, и о деньгах.

– Средства немцы еще не перечисляли?

– Нет, – медленно ответил Лейбман. – Их должны были перевести после первого репетиционного просмотра.

– Еще один вопрос. Когда Анна составляла завещание?

Лейбман развел руками и ответил:

– Увы, об этом ничего не могу сказать. Вам лучше обратиться к ее нотариусу.

– Непременно так и сделаю, только кто он?

– Аркадий Вениаминович Корзун, – ответил Лейбман.

– Гражданин Российской Федерации? – уточнил Гуров.

– Да. У Анны было двойное гражданство – немецкое и российское. Вопросы подобного рода она предпочитала решать на родине.

– Понятно. Спасибо за откровенный разговор, Лев Хаимович. Возможно, вы мне еще понадобится.

– Ради бога, – ответил Лейбман, поднимаясь. – Я теперь здесь надолго застряну. – Он пошел к дверям.

Глядя на его сгорбленную фигуру, полковник подумал, что этот человек действительно уже немолод и утомлен жизнью. На склоне лет ему стоило бы уйти от финансовых дел и обрести покой.

После ухода Лейбмана Гуров посмотрел на часы. Он подумал, что наметил встречу с Викторией Павловной Рудаковой, но до сих пор так и не позвонил ей. А вдруг она откажется? Конечно, можно перенести разговор на завтра, а остаток сегодняшнего дня посвятить Тедески, но вот вопрос – удастся ли его найти?

Зная Крячко, Гуров почти не сомневался в том, что Станислав откопает итальянца из-под земли, но все же ничего нельзя исключать. Подумав, Гуров решил не спешить и не стал звонить Рудаковой. Вместо этого он набрал номер Крячко.

– Да, господин полковник! – Голос Станислава звучал совершенно не так, как обычно в разговоре с ним. – Ваш приказ выполнен. Задержанный скоро будет доставлен. Слушаюсь!

Связь разъединилась. Гуров удивленно хмыкнул. Что за игру ведет там Станислав? Но Лев Иванович доверял ему почти как самому себе и решил просто дождаться его. Пока что он открыл Интернет и набрал в поисковике: «Корзун Аркадий Вениаминович».

Всемирная путина не подвела. Нашлось несколько сайтов, где упоминалось это имя. В сети имелась информация о конторе нотариуса. Она находилась на Ленинградском проспекте. На сайте были указаны телефоны и часы приема. О самом Корзуне люди отзывались только положительно, рекомендовали его как опытного профессионала с безупречной репутацией.

Гуров, не теряя времени даром, набрал один из указанных номеров, который вывел его на секретаршу Корзуна. На просьбу пригласить самого Аркадия Вениаминовича она попросила представиться. Названная Гуровым должность, кажется, слегка ее напрягла.

Она слегка замялась, после чего спросила:

– А вы уже обращались к Аркадию Вениаминовичу?

– Нет, девушка. Но обратиться придется обязательно. Поэтому будет лучше, если вы ему это передадите прямо сейчас, дабы мне не вызывать его в свой кабинет.

Эта фраза возымела действие, и меньше чем через минуту в трубке зазвучал глухой баритон. Корзун в отличие от секретарши удивлен не был. Разумеется, ему было известно о смерти Анны Кристаллер. Конечно, он будет рад помочь следствию всем, чем может, за исключением нарушения вопросов деловой этики. Да-да, подробнее они это обсудят при встрече. Конечно, вопрос об этичности в данных обстоятельствах не совсем уместен, но все же... Хорошо-хорошо, полковник может подъехать к нему в удобное время, до шести часов вечера. А пока Корзун пожелал ему всего доброго.

Положив трубку, Гуров улыбнулся. С этим нотариусом придется побиться, прежде чем он раскроет все свои карты. С юристами и психологами вечно беда! Надувают щеки и твердят о профессиональной этике. Хотя в конечном итоге они все равно вынуждены сдаваться. Ведь у Гурова, оперуполномоченного по особо важным делам, возможностей куда больше, чем у них.

Понятно, что при его нажиме они сдадут своих клиентов с потрохами, поскольку хорошие отношения с представителем закона для них важнее всех этических норм. Вот так, как бы цинично это ни звучало. Лев Хаимович Лейбман сейчас наверняка согласился бы с такими мыслями.

Но развить свои философские рассуждения Гуров не успел. Дверь кабинета распахнулась, и он увидел раскрасневшееся, но довольное лицо Станислава. Крячко подталкивал перед собой высокого брюнета, в котором сыщик сразу же узнал Антонио Тедески.

Итальянец был напрочь лишен той томности, которая не покидала его весь вчерашний вечер. Гурову даже показалось, что и роскошные волосы его как-то потускнели и висели безжизненными сосульками. Тедески был растерян и держался как-то подобострастно. Крячко же явно оказался хозяином положения. В руке Станислав держал ярко-красную спортивную сумку и чемодан, которые поставил перед Гуровым у стола.

– Вещдоки, – многозначительно сказал он.

Лев Иванович показал на стул перед своим столом, и Тедески несмело опустился на него. Гуров не знал, почему тот ведет себя так, чем именно сумел зацепить его Крячко, поэтому не торопился начинать разговор, чтобы не допустить ошибки. Он взглянул на Антонио. Тот ерзал на стуле, однако протестовать или жаловаться, кажется, совсем не собирался.

– Подождите одну минутку, – обратился к нему Гуров. – Вы хорошо понимаете по-русски?

Тедески открыл было рот, но за него ответил Крячко:

– Он отлично все понимает и готов принести чистосердечное признание, которое в нашей стране существенно смягчает вину. На суде оно часто становится главным доводом в пользу обвиняемого.

Тедески заморгал длинными ресницами, а Крячко, не желая выпускать инициативы, навис над столом и грозно спросил:

– Вы признаете свою вину?

Наверное, Станислав с первого же момента до смерти напугал Антонио своей манерой разговаривать. Тот закивал, но все же остатки разума, видимо, у него имелись.

Он повернулся к Гурову и спросил, растягивая слова:

– Вину в чем я должен признать?

Тут уже сыщик был наготове и спокойно сказал:

– У знакомой вам Ольги Летицкой в сумочке была обнаружена коробочка с наркотическим веществом. Довожу до вашего сведения, что препарат этот в нашей стране запрещен. Его распространение, равно как и хранение, карается по закону. Так вот, на сумочке Ольги обнаружены ваши отпечатки пальцев. Но самое неприятное, что они найдены и на коробочке. Как вы это объясните?

Антонио совсем поблек, но признавать свою вину не спешил. Он закатил глаза и задумался, но тут снова вмешался Крячко.

– Признаешь, что подбросил порошок Летицкой? – спросил он. – Между прочим, отпираться не советую, поскольку видеочамера зафиксировала этот момент. Тебя, наверное, удивляет, что она была установлена в твоей комнате? Наверное, доверие хозяйки ты давненько утратил, да? – Крячко будто по-дружески подмигнул Тедески, однако его лицо тут же снова приняло жесткое выражение. – Если сейчас будешь отрицать очевидное, то это станет серьезным фактом, действующим против тебя! У нас, знаешь, не Германия, и условия в тюрьме совсем другие.

Гуров внутренне оторопел от беспардонной лжи Крячко. Ему ли было не знать, что никакой камеры в комнате Тедески не было в помине! Станислав сейчас просто шел напролом, блефовал направо и налево. Гуров не одобрял подобных методов. Сам он поступал так редко, лишь в тех случаях, когда был стопроцентно уверен в том, что блеф удастся. Но Крячко разошелся, и сейчас Гуров уже не мог его остановить.

Тедески вздернул голову и посмотрел на Гурова так, словно искал у него защиты. Наверное, он боялся его куда меньше, чем Крячко. Полковник нажал кнопку и вызвал дежурного.

– Оставайтесь с задержанным. Я вернусь через несколько минут, – распорядился он, и дежурный встал у двери.

Гуров протянул Тедески чистый лист бумаги и сказал:

– Вы пока можете написать свои объяснения по изложенному факту.

После этого он кивнул Крячко и потащил его в конец коридора.

Там Гуров решительно набросился на Станислава:

– Слушай, а на каком основании ты вообще его задержал? Ты ведь не знал про отпечатки на коробочке?

– Так я его просто на пушку взял. – Крячко невозмутимо пожал плечами.

– Да ты что, с ума сошел? Он иностранный гражданин! По закону ты не имел права на его задержание и на изъятие вещей! Ты что беспредел творишь?

– Лева, да брось ты! – снисходительно заявил Крячко. – Неужели думаешь, что он жаловаться побежит? Да этот красавец и так уже полные штаны наложил!

– Это пока в себя не пришел. А когда опомнится...

– А когда опомнится, нам нужно будет иметь против него железные улики, – перебил его Крячко.

– А если их не будет? – продолжал бушевать Гуров.

– Тогда придется быстренько его отпустить и дать хорошего пинка! И вообще, Лева, я тебя не понимаю! – обиделся Крячко. – Не ты ли велел мне его доставить сюда любым способом? Что я еще мог сделать? Ты мне про отпечатки ничего не сказал, даже не позвонил! Я и так выкручивался как мог, а вместо благодарности получаю от тебя втыки!

Гуров немного поостыл, к тому же нужно было возвращаться в кабинет. Признаться, ему не хотелось оставлять Тедески без личного присмотра. Надо было контролировать его поведение.

– Смотри, если об этом узнает Петр, он головы оторвет нам обоим, – пригрозил Гуров, но Крячко лишь тряхнул своей целехонькой разудалой головой и поспешил за своим другом обратно в кабинет.

К удивлению Гурова, Тедески уже успел написать несколько предложений. Лев Иванович взял у него лист и прочитал, что он, Антонио Тедески, находясь в состоянии глубокого стресса, вызванного трагической смертью любимой женщины, и не отдавая отчета в своих действиях, машинально сунул коробочку с неким препаратом в сумку Ольги Летицкой, с которой в тот момент любовался живописью.

Гуров подавил усмешку, читая эти формулировки. Но они как таковые были ему не важны. Главное, что Тедески признал, что это именно он подкинул Ольге наркотик. Теперь сыщик перешел к настоящему допросу.

Тедески, юля и извиваясь, все-таки рассказал, что раза два или три пробовал этот порошок. Это средство очень хорошо успокаивает его расстроенные нервы, которые врачи настоятельно рекомендовали ему лечить. Антонио выслушал замечание Крячко, что медики не прописывают наркотики в качестве успокоительного средства. Он заявил, что обязательно прислушается к этим словам и больше никогда не станет употреблять ничего подобного, не говоря уже о том, чтобы подсовывать эту гадость кому бы то ни было.

На вопрос Гурова, откуда у Анны взялся такой же порошок, итальянец ответил, что дал ей совсем чуть-чуть. Она в последнее время тоже сильно волновалась и чувствовала себя утомленной.

Слушая весь этот детский лепет и старательно записывая его в протокол, Лев Иванович думал, что дальше делать с Тедески. Сам наркотик Гурова не слишком интересовал. Его волновал вопрос о причастности Тедески к убийству Анны. Он постепенно выводил беседу на эту тему.

Антонио категорически отрицал свою причастность к столь страшному преступлению, вздымал руки к небу, клялся Мадонной и Святым Николаем. Он уже не растягивал фразы, напротив, говорил быстро-быстро. Слова сыпались из него словно горошины из прохудившегося пакета. Кажется, способность мыслить, прибитая напором Крячко, все-таки вернулась к нему. Теперь он отчаянно пытался оправдать себя, подбирая новые и новые аргументы.

Антонио говорил, что все время был вместе с Ольгой, и она может это подтвердить. Итальянец упирал на то, что у него никогда не было оружия, и он совершенно не умеет с ним обращаться. Тедески доказывал, что никакого мотива убивать Анну у него не было. Наоборот, с ее смертью он вынужден был покинуть дом и вообще теперь не представляет, как ему жить дальше и улаживать свои дела.

– А чего так спешно улетать-то собрался? – бросил из своего угла Крячко. – На похороны не остался даже. Не по-человечески это.

Тедески покосился в его сторону, но отвечать поостерегся. Гуров понял, что в присутствии Крячко полной откровенности от итальянца ожидать не приходится. Поэтому он отдал распоряжение Станиславу связаться с Викторией Рудаковой и спросить, когда она сможет подъехать в главное управление.

Крячко удалился, и Гуров возобновил допрос. Наедине с ним Антонио отвечал охотнее. В частности, Гурову удалось восстановить последовательность событий и их мотивы.

Когда Лариса Гололобова обнаружила тело Анны и закричала, Тедески находился в своей комнате вместе с Ольгой. До какой стадии дошла их страсть, Гурова не волновало. Только по громким фразам снизу они сразу сообразили, что случилась трагедия.

О чем думала Ольга, непонятно, а вот Тедески сразу же побеспокоился о себе. Ему стало ясно, что вскоре сюда прибудет полиция и станет обыскивать дом. У него в комнате находился запас наркотика.

Сперва он совершенно не переживал, что его могут заподозрить в убийстве любовницы. Такое ему просто в голову не приходило. Антонио с начала вечера находился под действием нового препарата, посему мозги его соображали не совсем адекватно. Да он и вообще не обладал слишком уж высоким интеллектом.

Так или иначе, но этот герой-любовник заметил сумку, впопыхах брошенную Ольгой, и не нашел ничего лучшего, как сунуть весь запас порошка в нее. На замечание Гурова о том, что он подставил женщину, Тедески простодушно ответил, что не хотел ничего плохого и готов принести ей свои извинения. Улететь же из России Антонио решил потому, что не хотел дальнейших объяснений с полицией, которые неизбежно начались бы. Расследование убийства может затянуться надолго.

Гуров слушал его, а сам думал, что Тедески решил уехать еще и потому, что в России его больше ничего не держало. Анна Кристаллер сыграла свою роль в его жизни и ушла со сцены. Больше ему от нее ничего не светило, следовательно, не стоило тратить время даже на то, чтобы проводить ее в последний путь. Обычный неприкрытый цинизм. Ничего другого от Тедески ждать не стоит. В этом вся его жизненная философия.

При этом полковник размышлял о том, что делать дальше. По всей видимости, Ольгу Летицкую нужно отпускать. Но вот как поступить с Тедески? Задержать за хранение наркотиков?

– Кстати, я осмотрел ваш чемодан и нашел еще запас препарата, – сказал полковник. – Откуда он у вас взялся? Или вы припрятали?

Антонио замотал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.